

Руслан Бек

**Мужская
солидарность**

Руслан Бек
Мужская солидарность
(сборник)

Текст предоставлен издательством "Издательство Книгу"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5816536

Аннотация

“Мужская солидарность” – это сборник многогранных рассказов, где есть место любви и ненависти, предательству и верности, радости и горести. Вас ждут невероятные истории с напряженным действием и непредсказуемой развязкой.

Содержание

Мужская солидарность	4
Лучшая мелодрама	34
Родная кровь	73
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Руслан Бек

Мужская солидарность

Рассказы

Мужская солидарность

Марат Альбертович встал с постели в прекрасном расположении духа. С недавних пор он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Полгода назад он, наконец, к своим сорока годам женился на молодой красивой женщине по имени Лиана, которую он лелеял и боготворил. Она его пленила и он, находясь рядом с ней, испытывал неиссякаемый душевный подъем.

Новый большой загородный дом, любимая жена, бизнес, который успешно развивался – все было в полном порядке. Не хватало только малышей, в чьем скором появлении он нисколько не сомневался. Детские голоса, зазвучавшие в его хоромашках, стали бы последней каплей в его огромной чаше благополучия и счастья. И эта была бы та чаша, где он купался бы всю свою оставшуюся жизнь. Он свято в это верил.

Марат Альбертович встал перед зеркалом, чтобы побриться. Напевая, он заострил внимание на своем отражении в зеркале и, словно чужими глазами, не без юмора, стал рас-

смаатривать его. На него смотрел какой-то несуразный упитанный чудик: лысый, с маленькими хитрыми глазками и с крючковатым носом, этакий, как он посчитал, смешной толстопузый коротышка, который вполне мог бы выступать в цирке в роли клоуна. В подтверждении этому, он скорчил веселую гримасу, от которой сам же и рассмеялся. Оглядев себя со всех сторон и, не найдя в себе ничего, чем можно было бы похвалиться, он попытался втянуть в себя живот, но, увы, с этим у него ничего не получилось. Он разочарованно хлопнул по своему пузу, махнул рукой на свое карикатурное отражение в зеркале и стал бриться. Побрившись, он принял душ, спев при этом почти все знакомые ему песни.

В гардеробной Марат Альбертович надел рубашку, повязал галстук и облачился в костюм. Он выпрямился, расправил плечи. Теперь же, стоя перед зеркалом, он не казался себе смешным, а совсем наоборот. Да, одежда меняет человека, подумал он. «Что скажешь на это, чудик? – обратился он к своему отражению в зеркале. «Конечно, особенно та одежда, которая стоит несколько тысяч долларов», – с иронией ответило отражение в его воображении. Марат Альбертович улыбнулся. «Все-то ты понимаешь», – сказал он, обуваясь.

Надев на руку золотые часы и взяв портфель, Марат Альбертович чинно спустился со второго этажа вниз в прихожую. Оставив портфель у входной двери, чтобы не забыть его перед уходом из дому, он прошел на кухню. Там за накрытым столом сидела Лиана, которая встретила его луче-

зарной улыбкой.

– Дорогая, зачем ты встала так рано? – целуя ее, сказал он в беспокойстве. – Я бы сам приготовил себе завтрак.

Лиана нежно, как подобает заботливой жене, ответила:

– Ну что ты говоришь, любимый? Я же не могла не проводить тебя? К тому же, ты покидаешь меня на несколько дней. Оставляешь меня одну, нехороший мальчик.

– Ну что делать, у меня важные встречи в Иваново. Это же близко. Нас друг от друга будут разделять всего лишь триста километров.

– Ты хотел уехать, не попрощавшись со мной.

– Разве я похож на того, кто мог уехать и не попрощаться со своим солнышком? Я хотел заехать к себе на фирму, а потом вернуться домой, чтобы перед отъездом в Иваново часок-другой побыть с тобой.

Лиана подошла к нему и обняла его лысую голову. Он стал млеть от ее ласкового порыва.

– Тебе чай или кофе? – спросила она.

– Тебя, – ответил он, обхватив руками ее талию.

– Ах ты, неугомонный, – с придыханием произнесла Лиана и, вся изгибаясь, выскользнула из его рук.

– Давай чай, – в безысходности вздохнул Марат Альбертович.

Позавтракав, Марат Альбертович в сопровождении Лианы вышел из дому к своей машине. Он поцеловал жену в щечку, для чего ему пришлось максимально вытянуть голо-

ву вверх.

– Ну, я поехал, – с неохотой сказал он.

– Счастливо, – попрощалась с ним Лиана и потом, когда Марат Альбертович уселся за руль, добавила: – Не гони, милый.

Марат Альбертович выехал со двора и, проехав по дороге в город с полкилометра, вспомнил о забытом в доме портфеле. «Черт!» – вырвалось у него. А ведь дабы не забыть портфель он оставил его у входа, чтоб на глазах был. И все же он забыл о нем. Ему пришлось вернуться за ним, и благо, что он вовремя вспомнил о нем.

Выйдя из машины у ворот, он прошел в дом. Он взял портфель и, едва захотел вернуться к машине, с гостиной раздался голос Лианы. Он решил, что Лиана говорит с ним, поскольку каким-то образом узнала о его присутствии в доме. Наверное, из окна меня увидела, подумал он, и направился к ней, чтобы узнать, что она от него хочет.

Слова Лианы продолжали неразборчиво звучать, и только приблизившись к гостиной, где была прикрыта дверь, Марат Альбертович понял, что она всего-навсего говорит по телефону. Должно быть, с одной из своих многочисленных подруг общается, заключил он и, не желая отрывать ее от разговора, повернул обратно к выходу. И тут, совершенно четко он услышал от нее слово «дорогой». Он замер, слишком неожиданно было для него это слышать. Кто таков тот, кого Лиана может так называть? Разве что своего отца и брата. Но

ни того, ни другого у нее не было. Так кого же тогда? Интерес заставил его подойти вплотную к двери. «Ты мой слоник, – говорила она, даже, скорее, не говорила, а щебетала. – Да, ты мой слоник с большим хоботом. Мой уезжает на несколько дней и все это время мы будем вместе. Приезжай ко мне сегодня вечером. Нет, не боюсь, он полный влюбленный в меня идиот. Да, я буду ждать тебя»...

Лиана продолжала говорить, но Марат Альбертович уже не слышал ее. Кровь ударила ему в голову и будто бы залила его глаза, от чего вокруг него все поплыло. На что он ни бросал взгляд, все двоилось и волнообразно двигалось. Он почувствовал в себе один сплошной невыносимый жар, который охватывал его изнутри с нарастающей силой. А что касается лица, то оно будто горело синим пламенем. Ему казалось, что он в эпицентре вулкана, чья раскаленная лава вот-вот его растопит и превратит в такую же огнедышащую массу, как она сама. По большому счету, он уже был массой – неким безжизненным шматком туши, оплеванным и втоптаным в грязь. Такому – в самый раз бесследно сгореть.

До Марата Альбертовича вновь стало доходить щебетание Лианы. На этот раз оно уже по-другому подействовало на него. «От любви до ненависти один шаг» – эту истину он в секунду ощутил на себе.

Марат Альбертович взял себя в руки. Ему не привыкать. Ему не впервой выдерживать удары судьбы. В его жизни их было предостаточно и они не сломили его. А иначе ему ни-

когда бы не светил тот успех, какой он достиг в своей жизни. И он поймал себя на мысли, что как оказалось, только финансовый успех. А другой успех, о котором он мечтал, который казался ему как уже свершившийся факт, разбился в пух и прах в одночасье. И все же он и это переживет. Он найдет в себе силы в очередной раз.

Марат Альбертович успокаивал себя, и все же природа человека, его животная суть, довлела над ним всей своей мощью. Ярость вперемешку – как бы он ни хотел в этом себе признаваться – с обидой захлестывали его до удушья. Ему бы выплеснуть все это наружу, но он боялся наломать дров. И от досады, что ему приходится удерживать в себе взбунтовавшее «я», он до крови закусил губы. Физическая боль пронзила его – такая же нестерпимая, как и душевная, пронзившая его минуту ранее.

Марат Альбертович услышал, как Лиана положила трубку на аппарат. Не желая, чтобы она его видела, он бесшумно выбежал из дому. Не помня себя, он сел в машину и «дал газу». Машина сорвалась с места, оставив позади себя завесу дорожной пыли. Выехав из поселка, Марат Альбертович погнал по трассе неведомо куда. В первый раз жизни он был во власти чувств и такое вот разочарование, горькое, ранившее его по самое сердце.

Чем больше он думал о произошедшем, тем больше выходил из себя. Волею случая он узнал, что его «благоверная» – лицемерка высшей пробы, которая наверняка все полгода

их совместной жизни наставляла ему рога. Она никогда его не любила, никогда! Более того, возможно, еще и презирала его в душе, если, конечно, она была у нее так таковая.

Еще полчаса назад она проявляла о нем заботу, обнимала его, чтобы потом, спустя несколько минут, с цинизмом называть его полным идиотом. И кому она сказала это?! Какому-то ничтожеству, не иначе, с которым она спала. Так низко еще никто его не опускал. Такую оплеуху по его самолюбию еще никто ему не давал.

Он разделил с ней свое богатство, баловал ее, исполнял все ее прихоти, дышал на нее – и такой вот конец. Конец всему!

«Неблагодарная сучка! – выронил он в гнев. – Теперь ты увидишь мое другое лицо!»

Марат Альбертович гнал на всех парах свою машину, а перед его глазами был тот день, когда он в первый раз увидел ее в офисе своей компании, куда она пришла устраиваться на работу. Милая, с роскошными по пояс волосами, скромная и с хорошими манерами она сразу же понравилась ему, и он, что было впервые в его практике, взял ее на работу без какого-либо испытательного срока. Более того, он даже не поинтересовался ее деловыми качествами. Впоследствии, он сделал ее своим секретарем. Питая к ней чрезмерную симпатию, Марат Альбертович таким образом хотел, чтобы она всегда была рядом с ним, к тому же, такое тесное с ней деловое общение давало ему возможность разглядеть

ее со всех сторон, что и было им сделано со всей скрупулезностью. Ведь он имел на нее особые виды – виды порядочного мужчины! Марат Альбертович не разочаровался и все, что исходило от нее, все было мило ему, и, тем не менее, он сдерживал себя и по отношению к ней не принимал никаких активных действий. Он оказывал ей незначительные знаки внимания, но этим все и ограничивалось, пока он не увидел в ней свою родственную душу, что сыграло большую роль в быстром перерастании его симпатии к ней в любовь. Только после этого последовали цветы, подарки, приглашения в рестораны, театры, совместные поездки на природу, финалом чему стало то, что он добился ее руки.

«Глупец!» – выкрикнул он, ударив по панели приборов. Лишь теперь стало понятно ему, что не он добился ее, а совсем наоборот, – она завоевала его, ибо изначально положила глаз на его состояние. И чтобы до него добраться у нее был один верный способ – его окрутить, да так, чтобы он не понял эту ее истинную цель. И как настоящая профессионалка она не допустила при этом ни единого промаха. Так что, той милой скромницей с родственной ему душой, какой она предстала перед ним, было не что иным, как ее коварная маска – та, правильно подобранная маска, благодаря которой она, женщина – оборотень, открыла путь к сердцу и разуму своей жертвы. Обвела его вокруг пальца, как мальчишку. Одурачила человека, прошедшего огонь и воду. «Глупец!» – еще раз выкрикнул он в ярости.

Теперь оставалось одно – развод. Развод, который ее совершенно не расстроит, поскольку при этом она отрежет себе с большого пирога его состояния жирный кусок. Кусок, которым она не подавится. В этом он нисколько не сомневался. В жизни подобными кусками еще никто не давился. А как бы он хотел, чтобы она стала первой, кто прервал бы эту несправедливую закономерность.

Марат Альбертович ехал и не чувствовал, что его автомобиль мчится с бешеной скоростью. Впрочем, он особо и не осознавал, что сам ведет автомобиль. Скорее, по его ощущению, кто-то другой вел машину, а он сидел рядом с этим кем-то в качестве пассажира.

Перед ним возник автоинспектор и поднятый им жезл. Марат Альбертович машинально нажал на тормоза. Он неподвижно сидел, погруженный в себя. О том, что надо достать права и документы на машину, как это положено в таких случаях, он даже и не подумал.

– Что вы так гоните? – сказал ему инспектор через приоткрытое окно его авто. Хотя бы перед постом сбросили скорость. Что, совсем уже не уважаете нас, да?

Марат Альбертович молчал, уставившись невидимыми глазами в лобовое стекло машины.

– Вы меня слышите, гражданин? – вновь обратился к нему инспектор, постучав ему в дверь.

Марат Альбертович вздрогнул, произнеся в растерянности:

– Что?

– Я говорю, что так гоните? – повторил автоинспектор и, пристально глядя ему в лицо, добавил: – Вам что, плохо?

Марат Альбертович несколько удивился его вопросу.

– Непривычно слышать от вас подобный вопрос.

– Что, по-вашему, мы без глаз совсем. На вас лица нет, вот, я и спросил.

– Спасибо, но со мной все в порядке.

– Не похоже.

– Скажите, а что это за пост? – спросил Марат Альбертович, оглядываясь по сторонам.

– В смысле?

– Ну, какой ближайший населенный пункт?

– Вы едите и не знаете?

– Заплутал просто.

– Сейчас Владимир будет.

– Вы шутите? – не поверил Марат Альбертович.

– С какой стати мне шутить? – хмыкнул инспектор.

И все же Марат Альбертович отнесся с недоверием к словам автоинспектора, ибо посчитал это немислимым. Да, ему было не просто уверовать в то, что он проехал свыше ста километров, не заметив как. Он поверил спустя пару секунд, когда увидел собственными глазами множество проезжавших мимо его машин с номерами Владимирского региона. До Иваново осталось совсем немного. Сам того не осознавая, он ехал в нужный ему город.

Безотчетно ведя машину, Марат Альбертович каким-то своим подспудным штурманом двигался в нужном ему направлении. Правда, он не заехал к себе на фирму, но это было не столь важно для него, что, видимо, и учел его внутренний вedomый.

Инспектор не стал спрашивать у него документы, а просто сказал:

– Езжайте и не гоните больше.

Марат Альбертович поблагодарил его за это и тронулся с места с четким представлением о том, куда он движется и зачем. Из некоей прострации он вышел безвозвратно.

На датчике бензобака засветила красная лампочка, и Марат Альбертович заправил машину. Едва он продолжил свой путь, ему позвонила Лиана.

Увидев на мобильнике ее высветившийся номер телефона, он дернулся так, словно его пронзил мощный заряд тока, чья основная сила ударила ему в голову. Казалось, ее сдавило прессом, от чего потемнело в его глазах. Он весь напрягся, как сжатая пружина. Чуть отошедший от случившегося, он заново испытал те же чувства, которые его раздирали всю дорогу. Он готов был выбросить телефон в окно и сделал бы это, если бы случайно не уронил его на коврик. Поднимая телефон, он через силу взял себя в руки. Кто бы мог подумать, что еще до вчерашнего вечера, когда она звонила ему, он все бросал и с радостью ей отвечал, испытывая при этом непередаваемое взбудораживающее воодушевление. А теперь он

рассматривал от нее звонок, как звонок от больной проказой старухи, представив ее себе хозяйкой некоего хранилища блевотины, куда против его воли она пытается его затащить. С отвращением, ощущая себя изгаженным этой самой вообразимой им блевотиной, он все же ответил ей:

– Алло?

– Ты где, дорогой? – спросила его Лиана.

– Я по дороге в Иваново, – сухо ответил он.

– Как? Ты же обещал заехать домой!

– Не получилось.

– Как приедешь на место, позвони. Целую тебя, мой любимый!

«Сука! – дав отбой, закричал Марат Альбертович. – Сука! Сука! Сука!»

Казалось, что от его припадка гнева и ярости взорвется и взлетит на воздух его автомобиль.

* * *

Марат Альбертович остановился у гостиницы, где проживал всякий раз, когда приезжал в Иваново. Была уже лучше гостиница, но он не стал изменять своей привычке. Почти весь обслуживающий персонал гостиницы знал его, как и ведавший автостоянкой Николай – добродушный приветливый мужчина. Он и подошел к нему.

– Здравствуйте, Марат Альбертович! – поприветствовал

он его.

– Здравствуй, Николай, – устало ответил ему Марат Альбертович.

– Надолго к нам?

– На пару дней.

– Вы сегодня будете выезжать?

– Нет.

– И эти дни тоже, как обычно? За вами всегда же приезжают.

– Да.

– Тогда давайте поставим машину в гараж. Что она будет здесь пылиться под открытым небом.

– А что за гараж?

– А тут, за гостиницей. Я вам и ключ от него отдам на тот случай, если захотите сами поехать куда-нибудь.

– Что ж, хорошо, показывай свой гараж.

Поставив машину в гараж и взяв от него ключи, Марат Альбертович прошел в гостиницу. Он взял свой привычный номер – люкс.

Было всего лишь шесть часов вечера. Не по своей воле он слишком рано приехал в Иваново. Завтра у него будет важная встреча, и ему нужно было к ней подготовиться, изучить еще раз взятые с собой документы. При удачном раскладе, что у него не вызывало сомнений, это дело из-за которого он приехал в город невест, сулило ему заполучить со временем около миллиона долларов. Большие деньги, которые в пер-

вый раз жизни его совсем не радовали. В нервном напряжении, расхаживая по номеру, он и думать не мог о своих рабочих делах. Все его мысли были там – дома и, окинув взглядом портфель, он уже точно знал, что не откроет его, ибо взять в руки документы просто не сможет. На самом деле, зачем брать в руки документы, если в них он ничего не разберет. В его состоянии они будут представлять собой всего лишь исписанные листы на непонятном ему языке.

Марат Альбертович решил пойти в бар. Ему необходимо было выпить и пораскинуть мозгами. Он подумал, что у него тот самый парадоксальный случай, когда, только выпив, можно трезво на все посмотреть и правильно определить свои дальнейшие действия.

В баре он залпом выпил стакан водки, и хоть бы что, словно воду выпил. Его напряжение осталось в неизменной форме – он все так же чувствовал себя одним сплошным клубком натянутых нервов, которые ослабли лишь после второго выпитого им стакана водки. Ему бы остановиться, а он выпил еще, после чего пошел закономерный процесс – появились мысли, которые стали его распалять до неистовства.

Ему весь вечер сидеть здесь, рассуждал он, а в его собственный дом, придет некий мерзопакостный тип, чтобы поразвлечься с его женой, да еще при этом будет наверняка посмеиваться над ним. Ляжет в его кровать, пачкая ее грязным телом, и с вожделением примется ласкать его женщину, которая ответит ему взаимностью. Будет трахать ее, испуская в

ее влагалище свою смердящую сперму, где она растворится и всосется в ее кровь – в кровь самой что ни на есть потаскухи, двуличной изворотливой шлюхи. А он ее любил, носил ее на своих руках.

«Будь ты проклята!» – не сдержался он.

От отчаяния и гнева ему захотелось буквально завывать. Вдобавок он внезапно почувствовал как выпитая им водка, успевшая смешаться с желудочным соком, подступила к его горлу. Сморщившись, с трудом сдерживая в себе этот приток горечи от выплеска его наружу, он бросил бармену деньги и выбежал в туалет. Там его вырвало. Умывшись, он посмотрел на себя в зеркало, которое хотел разнести вдребезги. Он возненавидел себя и был сам себе противен как никогда ранее, и, прежде всего, за свою близорукость в отношении, будь она неладна, жены Лианы. Лиана! Вот уж воистину – красивое растение, опутывающее стеблями все, что стоит рядом с ним.

Марат Альбертович вышел в коридор и подошел к открытому настежь окну, смотревшему именно туда, где в гараже он оставил машину. Вдохнув свежего воздуха, он, недолго думая, стремительно выпрыгнул через окно на улицу. Спустя минуту он уже мчался по направлению к дому, прося Бога только об одном – благополучно, минуя встреч с гаишниками, добраться до парочки, намеривавшейся провести вечер в наименее приятнейшей обстановке.

Марату Альбертовичу повезло. За четыре часа, избежав

свиданий с сотрудниками автоинспекции, он добрался до дома. Было одиннадцать часов вечера. Оставив машину чуть поодаль от дома, он перелез через забор и оказался в саду. Свет в доме горел только в гостиной, к чьим окнам он пошел, укрывшись за кустами роз. Встав на колени, он раздвинул стебли роз и посмотрел в окно. Он приехал вовремя, очевидно, все только начиналось.

Перед глазами Марата Альбертовича в гостиной стоял молодой блондин, в чем мать родила. Играя своими бицепсами, ненавистный ему субъект похотливо и с упоением поглаживал свое мужское достоинство. При этом он еще и переминался с ноги на ногу, видимо, сгорал от нетерпенья совокупления с его Лианой.

Марат Альбертович смотрел на него как на отморозка, чья физиономия не имела ничего общего с человеческим обликом. Он был для него, не иначе, – порочным и неотесанным животным, чьи глаза горели огоньком ехидства и насмешки.

Марат Альбертович сжал крепко кусты, и шипы стеблей роз вонзились ему в руки, но он даже не почувствовал эти кусачие уколы. Он весь напрягся, а лицо покрылось испариной. Все было ожидаемым, однако Марат Альбертович никак не предполагал, что при виде всего этого собственными глазами, ему будет так невыносимо тяжело. Он жаждал крови. Злоба и ненависть толкали его ринуться на это гадливое существо, распороть ему брюхо и вынуть оттуда все его внутренности. Марат Альбертович сильнее прежнего сжал стеб-

ли роз. И тут он видит вошедшую в гостиную обнаженную Лиану, которая встала перед своим дружкой на колени и с остервенением прижалась ртом к его паху. Тем ртом, который еще вчера целовал он – ее муж. Марат Альбертович переломил сжимавшие в руках стебли роз.

Извиваясь, она ублажала своего самца, а он самодовольно с вожделением за ней наблюдал, тиская ее грудь так, как месяц кусок теста. Он обращался с ней, как с самой настоящей шлюхой, снятой на панели – в его глазах не было ни любви, ни даже уважения к ней. Впрочем, как и у нее тоже. У обоих была одна сплошная животная страсть – блудливого кота и блудливой подзаборной кошки. А именно такое производили они впечатление на Марата Альбертовича, который, теряя окончательно самообладание, опустил свои глаза. А когда снова их поднял, то увидел, как у этого котяры произошло семяизвержение, которое плюхнулось на шею, грудь и живот Лианы. И этот белок она стала лихорадочно растирать по всему телу, облизывая при этом налитые соски своей груди.

Кровь ударила в голову Марата Альбертовича, как тогда – утром. И снова тот же нестерпимый жар во всем теле и то же самое помутнение в глазах. В нем проснулся зверь. Он разжал руки от кустов роз. Его ладони кровоточили, и он уставился на них. Потом что-то вроде сдвига произошло в его мозгах; казалось, он потерял способность мыслить, а проснувшийся в нем зверь куда-то сгинул.

Марат Альбертович привстал и, не отпуская взгляда от рук, с неживым лицом, подобно роботу, запрограммированному на одно единственное задание, целенаправленно пошел в гараж, открыл его, вскрыл там тайник и достал оттуда ружье с патронами. В гараже была дверь, ведущая прямо в дом, куда он и прошел. Шагая по коридору, он зарядил ружье.

Когда Марат Альбертович подходил к гостиной, с распахнутыми настежь дверями, котяра бился передом об бедра Лианы. Пошлепывая одной рукой по ее ягодицам, а другой рукой удерживая ее волосы в области шеи, он самозабвенно стонал: «Давай-давай!» Она, в свою очередь, с неистовым сладострастием вопила: «Да-да! Еще, еще, еще!» И тут как будто бы и не было в Марате Альбертовиче запрограммированного робота. Его место вновь занял дикий зверь, чьи глаза налились кровью. Марату Альбертовичу оставалось только зарычать и в прыжке броситься на ненавистный ему объект. Возможно, он так бы и поступил, если бы у него в руках не было ружья, направленного им на совокупающуюся пару.

Марат Альбертович перешагнул порог гостиной.

– Все, гаденыши! – произнес Марат Альбертович, чей металлический голос и устрашающий вид напугал бы самого беса.

Парочка в ужасе отпрянула друг от друга, вытаращившись на озверевшего визитера. Не успел котяра что-либо сообразить, как прозвучал выстрел, и его грудь пробила дробь. Он замертво упал на ковер, где еще минуту ранее предавался

сексу. Марат Альбертович перенаправил ружье на Лиану, в чьих глазах, перед тем как нажать на курок, увидел мольбу о пощаде. Это никак не затронуло его, и он выстрелил. Лиана повалилась рядом со своим дружкой и, прежде чем умереть, несколько секунд тряслась в предсмертной судороге. Все было кончено, как и со зверем внутри Марата Альбертовича. Он сник и благоразумно посмотрел на произошедшее, от чего чуть ли не запаниковал. Двойное убийство – это конец всему. Но он несколько не пожалел о совершенном им убийстве, даже если его упекут в тюрьму на пожизненный срок. И, тем не менее, он решил бороться за то, чтобы этого не произошло.

Марат Альбертович вспомнил, что когда он покидал гостиницу, его никто не видел. Его не остановил по дороге домой ни один автоинспектор и его никто пока не видел здесь. И если он вернется в гостиницу в Иваново также никем незамеченным, и утром, как ни в чем не бывало, будет у себя в номере, доказать ему то, что убийство это его дело рук, будет не просто. Плюс адвокаты, его деньги и все сойдет с рук ему. Подумав обо всем этом, Марат Альбертович понял одно – ему нужна теперь только удача. Удача и только удача, а остальное он сделает все как надо.

Марат Альбертович открыл сейф, вынул оттуда все деньги и спрятал их в гараже, где хранил нигде незарегистрированное ружье, которое досталось ему еще от его деда. Потом он собрал все драгоценности Лианы и вместе с ружьем положил

их на накидку от дивана. Он расставался с драгоценностями без сожаления. Далее, он вспомнил, что на кустах, возле которых он наблюдал за блудливой парочкой, могла остаться кровь от его рук – он вышел туда, вырубил эти кусты и разровнял там землю. К ружью и к драгоценностям на накидке прибавились и срубленные кусты роз. Все это он свернул в узел. Ему оставалось привести дом в беспорядок так, как это сделали бы грабители, что он, собственно, быстро и проделал. Из вещей он больше ничего не хотел брать с собой, мотивируя это свое решение так: грабители взяли столько денег и драгоценностей, что ни что другое их уже не интересовало. Последнее что он сделал, на всякий случай, это весь дом обсыпал душистым перцем.

Прежде чем покинуть дом, он взял с собой из гардеробной костюм с рубашкой, галстук и, самое главное, туфли. Прихватив узел, он напоследок подошел к окровавленному телу Лианы. «Ты заслужила этот конец – сказал он, склонив над ней голову. – Ты разорвала мое сердце!»

На улице не было ни души. Подойдя к машине, он замазал грязью ее номера и, перед тем как сесть за руль, переоделся и переобулся. А те вещи и туфли, что он снял с себя, засунул в узел.

Было двенадцать часов ночи, и с божьей помощью Марат Альбертович рассчитывал рано утром быть уже в Иваново в своем номере гостиницы. Он завел мотор. Отъезжая с места, Марат Альбертович, к радости своей, отметил, что его дом

был в поселке крайним – у самого леса – куда никто другой не заезжал и не заходил, а потому, решил он, за то время, что здесь стояла его машина, ее видеть никто не мог. Во всяком случае, он надеялся на это.

Марат Альбертович заехал в лес. Там он закопал узел. Продолжив движение, он молил Бога об одном – чтобы ни один автоинспектор не остановил его машину по пути в Иваново до самой его гостиницы. И если это получится у него, то он будет считать себя самым удачливым человеком на земле.

Марат Альбертович выехал на трассу, и первый пост ГИБДД, он успешно миновал, прячась за фурой. Он решил действовать так и в дальнейшем, перед каждым новым постом. Эта его тактика оправдала себя, поскольку он благополучно добрался до Иваново, а там и до гостиницы. Было шесть часов утра. Оставив машину в гараже, Марат Альбертович подошел к тому самому окну, через которое он покидал гостиницу – оно оставалось открытым, что вызвало у него облегченный вздох. Через это окно он и попал обратно в гостиницу, а потом и в свой номер, оставшись никем незамеченным – ни сотрудниками гостиницы, ни кем бы то ни было. Теперь он с уверенностью мог сказать себе, что он самый удачливый человек на земле. Изможденный нервной дорогой и бессонной ночью, он повалился на кровать.

Однако ему не удалось заснуть. В девять часов за ним пришла машина и он, так и не выспавшись, уехал на встречу. Ему казалось, что отныне он не заснет никогда.

Первая встреча прошла удачно, и через три часа он был в своем номере. Он с трудом выдержал эту встречу, ибо в своем состоянии рядом с собой не хотел никого видеть, а тем более, говорить. Марат Альбертович ждал, и ждать он хотел в одиночестве. А ждать ему еще долго – до самого вечера.

Марат Альбертович спустился в бар и выпил там водку. Побродил в сквере, допуская мысль о том, что эта его прогулка может оказаться последней, как впрочем, и все остальное доступное для свободного человека. И опять он вспомнил об удаче. Пока она была на его стороне. Но она такая подлая и непостоянная, может предать в любую минуту.

Марат Альбертович присел на лавочку. Поодаль от него на улице было много снующих туда – сюда людей, в основном мужчины. В городе невест – невест не осталось.

Мимо него прошла молодая женщина, которая, как показалось ему, была похожа на Лиану. А так ли это на самом деле, сказать трудно. Возможно, с недавнего времени ему часто будет так казаться.

При невольном упоминании Лианы, Марат Альбертович сжал скулы и покачал головой. Фактически, убив ее, он убил и самого себя. Убил все светлое, что было в нем. Ни что так не уничтожает человека, как разочарование и предательство.

У нее было все, чтобы жить нормальной человеческой жизнью, но натура распутницы лишила ее благоразумия, ибо только безумная могла рассчитывать на постоянство такого блудливого существования. Омерзительно грязная женщина

получила по заслугам, заключил Марат Альбертович, чувствуя, что еще немного размышлений о ней, и он начнет жалеть о совершенном убийстве, чего делать ему совершенно не хотелось.

Марат Альбертович вернулся в номер, откуда позвонил на мобильник Лианы, а потом и на свой домашний телефон. Такие периодические звонки он проделывал до самого вечера. Наконец, около двадцати часов он позвонил своему двоюродному брату Семе – сделал то, что, собственно, и ждал весь день.

Поздоровавшись с ним, он взволнованным голосом сказал:

– Послушай, я в Иваново по делам. С обеда звоню Лиане, а она не отвечает. Я волнуюсь. Ты можешь заехать к нам домой, да посмотреть, не случилось что? Что-то не спокойно на душе. И позвони мне потом. Или Лиана пусть мне позвонит.

Сема пообещал немедля выполнить его просьбу. С этого момента – началось самое мучительное его ожидание.

Марат Альбертович исходил весь свой номер вдоль и поперек. Сема позвонил ему только через два часа.

– Марат, это я, – его голос дрожал. – Лиана... Произошло ужасное... Она убита.

– Что?! – закричал Марат Альбертович.

– Я уже и полицию вызвал, – сказал Сема все тем же дрожащим голосом. – Она сейчас здесь в твоём доме. Лиана не одна убита, с ней еще кое-кто.

– Кто?! Кто еще может быть?! Ее мать?!

– Молодой мужчина. И, по-моему, ее любовник. Она изменяла тебе, Марат.

– Ты что болтаешь?!

– Дело в том, что они оба голые. Так что ты не очень. На его месте мог быть ты. Тебе повезло, что ты уехал. Это ограбление, твой сейф пуст. Тут с тобой хотят поговорить. Я передаю телефон.

– Здравствуйте, – прозвучал в трубке голос незнакомца.

– Я сейчас ни с кем не хочу говорить! – закричал срывающимся голосом Марат Альбертович и дал «отбой».

Марат Альбертович довольно-таки убедительно сыграл роль человека, получившего страшное известие. В общем-то, это сыграть не столь сложно было, поскольку его долгое ожидание помогло ему: сначала представить эти предлагаемые обстоятельства, а затем, и вжиться в них. Причем, за это время он искренне нервничал и не находил себе место и, можно сказать, все получилось у него само собой, без игры, а потому – без фальши.

Он продолжал вышагивать по номеру. Прошел час, когда раздался новый звонок – на его мобильнике высветился номер телефона Семы.

– Ты успокоился? – спросил его Сема.

– Да, – тяжело ответил Марат Альбертович.

– С тобой хочет поговорить капитан Фролов.

– Невтерпеж, да? Ну, передай ему трубку.

– Вы можете говорить? – спросил капитан.

– Да, – трагично ответил Марат Альбертович.

– Вам надлежит приехать и дать показания. Когда вы сможете приехать?

– Завтра я буду.

– В полдень сможете быть?

– Да.

– Приезжайте в двадцатое отделение. Вы знаете, где это?

– Знаю, бывал когда-то.

– Тогда до свидания. Да, двадцать первый кабинет.

«Ласково поет, – выронил Марат Альбертович. – Интересно бы знать, что ты там накопишь?»

Он повалился на кровать, чувствуя себя выжатым лимоном.

Рано утром Марат Альбертович поедет домой, и что ему будет уготовлено там, он не знал. У него было лишь одно желание, чтобы все быстро закончилось – благополучно для него или нет, по большому счету ему было уже не важно. «Пропади все пропадом!» – сказал он, уткнувшись в подушку.

* * *

Марат Альбертович домой не заехал, а сразу же поехал в отделение полиции и к двенадцати часам был на месте. Он жаждал скорейшего финала, любого, каким бы он ни был для

него.

В только что отремонтированном здании полиции было необыкновенно светло и чисто и, тем не менее, это не вызвало у Марата Альбертовича положительных эмоций. Это все равно, что прийти в морг, где так же светло и чисто. По ощущению, отметил он, не будет никакой разницы.

Он без труда нашел двадцать первый кабинет, где за столом сидел одетый в гражданскую одежду молодой человек, рыжий, худенький, с раскосыми глазками. В нем явно присутствовала кровь азиата.

Представившись, Марат Альбертович спросил:

– А вы капитан Фролов, если не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – ответил молодой человек.

Капитан предложил ему присесть и подождать, а сам торопливо вышел.

Через пару минут в кабинет вошел в форме полковника мужчина средних лет, высокий, крепкого телосложения. В глаза Марата Альбертовича бросились его мощные с вздувшимися венами руки, которые выглядели как кувалды. Он присел за стол вышедшего капитана.

– Добрый день, – сказал он, пристально вглядываясь в лицо Марата Альбертовича. – Меня зовут Олег Валерьянович, и я начальник полиции вашего района. Хочу лично на вас посмотреть.

– С чего бы это? – беспечно спросил Марат Альбертович, но внутри весь сжался – появление самого полковника не

сулило ему ничего хорошего.

– У меня к вам вопрос: как вам удалось незаметно покинуть гостиницу, совершить убийство, и так же незаметно вернуться обратно?

Марат Альбертович опешил от такого начала. Неужели он где-то наследил?

– Я не понимаю, о чем вы говорите. Какое убийство?! Я ни какую гостиницу не покидал, – ответил он, чувствуя, что его пробирает дрожь. И он боялся, что через минуту-другую ему не совладать с ней.

– Через окно, наверно, – продолжил полковник. – А дальше вам сопутствовала удача. Так бывает. Вас действительно никто не видел и вы не оставили никаких следов. Но вся беда для вас вот этой вещице. – Он достал маленькую кассету. – Ваша жена свои утехи со своим любовником записывала на видеокамеру, а вы не учли этого. На ней все видно: и сам половой акт вашей жены с любовником, и как вы ворвались, и как их убивали, и как потом инсценировали ограбление. Хотите посмотреть?

У Марата Альбертовича все внутри оборвалось. Эта дрянь, судя по тому, что выкамаривала со своим котом, вполне могла все это и записывать. И тогда в гостиной он видел эту видеокамеру, да не придал ей значение. А ведь она никогда не стояла там. Марат Альбертович опустил голову и весь как-то съежился. Мгновенье, и он не понял, как сорвался.

– Мне незачем еще раз смотреть на свою шлюху! – вы-

крикнул он и тут же осознал, что этим гневным порывом невольно признал свою виновность.

– Я так и думал, что вы не захотите заново это пережить, – улыбнулся полковник.

Привыкший находить выход из безысходных ситуаций, Марат Альбертович решил, как-то исправить свое безнадежное положение.

– Можно оформить это, как то, что я сам пришел с повинной? – спросил он для начала.

– Увы, нет, – ответил полковник.

– Значит, как говорится, получу срок на всю катушку? Может, все-таки можно что-то сделать? Я готов заплатить любые деньги. – Он посмотрел в глаза полковника, где увидел блеск самодовольства. – Скажите, сколько?

– Мне ваши деньги не нужны, – ответил он, постукивая друг о дружку кулаками. – Идите, вы и так свободны. И забудьте о вашей причастности к убийству.

Марат Альбертович подумал, что ослышался.

– Что вы сказали?

– Я сказал, что вы свободны.

– В смысле? Пока свободен?

– Почему пока? Навсегда.

– Как так? – недоумевал он, решив, что этот здоровяк в мундире просто над ним издевается. – Это ваш черный юмор?

– Нет, это не юмор.

– Вы хотите сказать, что сейчас я могу встать и ехать домой?

– Да.

Марат Альбертович склонялся к тому, что есть какой-то подвох, который он никак не поймет. Он спросил:

– Может, объясните: почему вы это делаете?

– Из-за мужской солидарности, если хотите, – ответил полковник. – Я был на вашем месте и знаю, что испытывает мужчина, когда узнает, что его жена форменная шлюха.

Марат Альбертович отказывался ему верить, решив, что над ним продолжают издеваться неведомым ему способом: сейчас он встанет, чтобы уйти, а полковник ехидно рассмеется и велит кому-нибудь надеть на него наручники.

– Ну, что вы сидите? – со всей серьезностью произнес милицейский начальник. – Кстати, возьмите свою кассету. Она действительно с вашей видеокамеры. Но только там нет никакой записи. Я блефовал. Знаете, профессиональная болезнь. Доказать таким образом, когда нет улик, – дорогого стоит.

Должно быть, с ним не шутили. Пожалуй, он точно самый удачливый человек на земле. Однако подобная развязка не вмещалась в его голове. Одурманенный финалом, Марат Альбертович привстал и хотел что-то спросить у своего благодетеля, но не решился. Он опять присел и тут же встал. Наконец, он произнес:

– А скажите, вы, тоже свою...

– Что?

– Ну, того...

– Что того, убил? Нет, я не смог это сделать тогда, а хотел.

Это сделали вы, наконец.

– В смысле? – совершенно не понял его Марат Альбертович.

– Вашу и в том числе свою лицемерную шлюху я хорошо знал. В прошлом Лиана была моей женой, – произнес полковник и, привстав, протянул на прощание ему руку.

Марат Альбертович плюхнулся на стул. Эта невероятная новость его буквально парализовала и он не смог пожать самую дорогую ему руку – руку кувалду, которую готов был и целовать.

Лучшая мелодрама

В просторной гостиной за большим столом сидела Анастасия Родионовна, уверенная в себе пожилая женщина и истинно благородным лицом. Постукивая по столу указательным пальцем, на котором красовался старинный брильянтовый перстень, она сверлила глазами своего единственного сына Алексея. Она, властная женщина, пользовалась у него непререкаемым авторитетом, и последние события стали для нее полной неожиданностью. Вернее, одно событие, никак не укладывающееся в ее голове. Первый раз в жизни ее сын, уже немолодой мужчина, которого она, можно сказать, держала до последнего дня в ежовых рукавицах, не хотел ее слушать. Его словно подменили.

Алексей сидел напротив нее и ел, опустив голову.

– Ты, почему не завтракаешь? – спросил он, не поднимая головы. Анастасия Родионовна картинно удивилась:

– Тебя это волнует?! Я ночами не сплю, а он спрашивает, почему я не ем.

– Напрасно, – вытирая губы салфеткой, сказал Алексей. Он откинулся на спинку стула. – Ты делаешь из мухи слона.

Надменно восседая, продолжая постукивать по столу, Анастасия Родионовна покачала головой:

– Сорок лет, финансовый воротила, и так облажаться!

Алексей улыбнулся.

– Мама, ты меня удивляешь. Раньше я не слышал от тебя таких слов.

– Скажи спасибо, что еще такие слова говорю.

– И что, по-твоему, как ты выразилась, «облажаться»?

– Ты сам прекрасно знаешь. Кстати, у нас всегда было принято сидеть за завтраком всем вместе.

– Света гладит мне рубашку, которую я хочу надеть.

– Показухой занимается. У нас есть домработница.

Алексей помрачнел.

– Я так не думаю. Это далеко не показуха. Просто ей приятно услужить любимому человеку.

– Не смей меня, – усмехнулась она. – Ты сам-то веришь в то, что говоришь? За несколько дней и уже любимый. Впрочем, ты прав: любимому толстому кошельку можно и услужить.

– Опять двадцать пять, – тяжело вздохнул Алексей.

– А что ты думал? Привести в дом девчонку. Она тебе в дочери годится. Ничего, она еще поставит тебе рога с каким-нибудь молоденьким мачо. Я знаю этих провинциалок. И чем же она так окрутила тебя?

Алексей нервно схватил сигареты:

– Это ужас, какой-то!

– Не смей дома курить! – рявкнула она.

Алексей понуро подчинился.

– Я не понимаю, – сказал он, – почему у тебя такое предвзятое к ней отношение. Неужели ты не видишь, что она

необыкновенная девочка.

– Ой, так уж и девочка! – насмешливо воскликнула она.

Алексей наградил свою мать осуждающим взглядом.

– Ты бы тише говорила, мама. Да, весело ты меня провожаешь в дорогу.

– А что же она не едет с тобой, с любимым? – с нескрываемой иронией отметила она.

– Ты же знаешь, у нее институт.

– Ах да, я забыла, она готовится в институт. Наконец-то, в двадцать лет.

Алексей насупился.

– Ты невыносима, мама. Вот поживешь с ней и увидешь, какая она.

– Ничего нового я для себя не увижу. Я не понимаю, есть такая девушка как Вероника, с хорошей семьи, сохнет по тебе. Она сохла по тебе еще тогда, когда ты не был богат.

– Опять Вероника, – протянул Алексей сморщившись. – Она действительно хорошая баба, но... Ох, что говорить.

– Да, говорить тут нечего.

– Кстати, замечу тебе. Поначалу Вероника тебе тоже не нравилась. Что скажешь на это? – Анастасия Родионовна не нашла слов для ответа. – Молчишь. Наверно, не следовало бы оставлять Свету с тобой на целую неделю.

– Не бойся, я ее не съем.

– Послушай, мам. Будь поласковой с ней, ведь она еще не отошла от горя. Сама понимаешь, похоронить мать – это не

шутка.

– А ты не боишься похоронить свою мать?! – в гневе бросила Анастасия Родионовна.

– Оставь. – Алексей встал. – Ты меня не проводишь?

– Тебя есть, кому провожать, – сказала она как отрезала.

Алексей подошел к матери и поцеловал ее в лоб.

– Мне пора. Света проводит меня в аэропорт, а потом оттуда Николай отвезет ее в институт. Тебе сегодня машина нужна?

– Нет.

– Точно?

– Точно.

Алексей вышел из гостиной, а Анастасия Родионовна даже не посмотрела ему вслед.

Изысканно непроницаема, с ледяной холодностью в лице, она осталась неподвижно сидеть за столом. Она стала понимать, что по большому счету ее власть над сыном уже закончилась. Он женится на этой девчонке, как ни прискорбно ей было сие признавать. Но она не была бы Анастасией Родионовной, если бы оставила все как есть и не попыталась этому помешать.

Хлебнув глоток остывшего кофе, она резко встала и подошла к окну, которое смотрело в сад. Увидев, что водитель Николай разговаривает с двумя ее садовниками, она открыла окно.

– Может, делом займетесь! – крикнула она садовникам.

Садовники вмиг растворились в кустах, а Николай, мужчина в почтенном возрасте, виновато пожав плечами, показал ей жестом, что, дескать, он тут совсем не причем и не его это вина, что садовники решили потрепаться с ним языками.

Анастасия Родионовна перевела взгляд на фонтан и расположенную рядом с ним утопающую в зелени беседку – ее любимый уголок, где в погожие дни ей нравилось сидеть в уединении за чашкой чая и читать всякого рода мелодрамы. Уже в разгаре была весна, и стояли прекрасные солнечные дни, а она в сад так ни разу не вступила. Ее сын преподнес ей такой сюрприз, что она была не в себе, и ее великолепный цветущий сад стал ей немил. Она не могла смириться с тем, что очень скоро эта девчонка, нищенка, невесть откуда, станет полновластной хозяйкой этого дома. Да что там дома, всего богатства ее сына.

Видя, что Анастасия Родионовна продолжает стоять у окна, водитель Николай скрылся в машине, так, на всякий случай, чтобы не маячить перед хозяйкой, тем паче, когда она находилась не в духе.

Едва он уселся в автомобиль, из дому вышли Алексей и Светлана. Ему тут же пришлось выйти из автомобиля обратно, чтобы уложить чемодан хозяина в багажник. Пока он это делал, Света подбежала к фонтану и подставила свои ладони под струи воды. Щурясь от солнца, она улыбалась и что-то говорила себе под нос, а Алексей, стоя как вкопанный, не спускал с нее влюбленного взгляда. Собственного сына Ана-

стасия Родионовна не узнавала. Она так тряхнула головой, будто происходящее у нее на глазах это не что иное, как кошмарный сон, от которого ей захотелось немедленно избавиться.

Нежна, с личиком смиренного ребенка, Света была по своему хороша, скрепя сердцем, уже не в первый раз отметила для себя Анастасия Родионовна. «Но так ли ты невинна, как и выглядишь? – задала она себе вопрос. – Но я узнаю, чем ты дышишь. Как мне не нравится, что ты всегда прячешь от меня глазки. Не уж-то ты такая скромница?»

Взирая на сына и на его влюбленные глаза, обращенные к своей юной избраннице, Анастасия Родионовна была уверена, что о своем отъезде он напрочь забыл. «Так и будет стоять, как истукан, пока я не потороплю его», – выронила она себе под нос.

– Ты опоздаешь на самолет, Ромео, – прошипела она ему, да так, чтобы ее услышала и Света.

Ее скрытый зловещий тон заставил Свету затрепетать и она, испытывая неловкость за то, что стала виною задержки, быстро прошмыгнула в машину. Алексей последовал за ней, махнув матери на прощанье рукой, этак небрежно, не взглянув в ее сторону.

Анастасия Родионовна, рассерженная на сына, отошла от окна и присела в кресло, запрокинув ноги на журнальный столик. Таким образом она сидела в кресле всегда.

Застыв с минуту в раздумье, она взяла мобильник и позвонила своему племяннику. Звали его Андреем. Это был

молодой человек, сын ее младшей сестры, которого она считала красавцем, впрочем, так оно и было: высокий, стройный, обладатель веселой ироничной улыбкой и всегда одетый с иголочки, он с легкостью разбивал девичьи сердца. Анастасия Родионовна нежно любила его, хотя и относилась к нему, как к человеку очень несерьезному. Одним словом, суший «сорванец», как она любила его называть.

– Здравствуй, дорогой, – сказала она в мобильник.

– Здравствуй, тетка, – весело ответил он.

– Чем занимаешься?

– Спортом.

– Наверняка постельным. Ты мне срочно нужен. Быстро ко мне.

– Лечу!

Бросив мобильник на столик, Анастасия Родионовна позвала домработницу Нину Петровну. Она была ворчлива, грубовата в словах, но душой и сердцем – добрейшим и безобидным человеком. Анастасия Родионовна всегда ладила с ней, и к этой уже достаточно пожилой женщине у нее не было никаких нареканий.

– Чего звали? – спросила она, войдя в гостиную.

– Нина, – сказала Анастасия Родионовна, – я хочу, чтобы ты недельку отдохнула.

– О, чего это я буду задницу отсиживать? Вот те на! – возмутилась Нина Петровна, положив руки на свои широкие бедра.

– Почему отсиживать? Проведай своих внуков. С ними не отсидишь.

– Уж не надоела я вам? Гоните что ли?

– Не говори глупости. Если бы я хотела это сделать, я бы так и сказала.

– Добро, так и быть, если желаете. Завтра и поеду.

– Сегодня. Так надо.

– Сегодня, так сегодня, – сказала Нина Петровна и, пробурчав что-то себе под нос, пошла прочь.

– Подожди, – крикнула ей вдогонку Анастасия Родионовна. – Куда поплелась? Деньги возьми. Отпуску – отпускные положены.

– Да зайду еще, – не обернувшись, буркнула она.

Исчезнув с глаз Анастасии Родионовны, она через секунду объявилась вновь.

– Не убивайтесь вы ради Бога, – забасила она. – Девка-то ладная, хорошая. А что молоденькая, так это хорошо. Родит вам здоровых внуков. А то, что получается...

– Нина! – не дав ей договорить, вскрикнула Анастасия Родионовна.

– Это не твое дело!

Нина Петровна махнула рукой и, в очередной раз пробурчав что-то себе под нос, исчезла. Но тут же вернулась обратно. Едва она хотела открыть рот, чтобы снова что-то проворчать, Анастасия Родионовна, опередив ее, сказала:

– Нина, иди, собирайся!

– Иду – иду, – недовольно произнесла она и, уходя, продолжила бурчать себе под нос.

До Анастасии Родионовны ее бурчание еще долго доносилось с кухни, куда она ушла, чтобы закончить там свои дела.

Андрей приехал очень быстро. У ворот он столкнулся с Ниной Петровной. Недолго думая, он решил подшутить над ней:

– Вы куда, тетя Нин? На свиху спешите? Ай-яй-яй!

– Да, к своему хахалю бегу ненаглядному, – ответила она хохоча. – Уж больно соскучилась по нему.

– Ах вы, блудница! – бросил он. – Смотрите, при встрече с ним не задушите его в своих объятиях.

С лоском одетый, с сияющей улыбкой на лице, Андрей бесцеремонно вошел в гостиную к Анастасии Родионовне. Некая блудливость так и выпячивала из него и, казалось, зная о ней, он еще и кичился ею.

– Это ты, сорванец, – грустно улыбнулась Анастасия Родионовна. – Очень мобильно, очень.

– Еще бы, – произнес он усаживаясь. – Ведь любимая тетка позвала. Что за спешность?

– У меня к тебе дело, племяш. Хочу поручить тебе кое-что.

– Тетя Аня, – удивился Андрей, – вы же всегда говорили, что мне нельзя поручать никакого дела.

– Это дело как раз по твоей части. Уж я надеюсь, что с этим делом ты справишься как никто другой.

– Я слушаю, тетка моя, – играючи выпалил он.

– Хватит паясничать. – Она сложила руки на груди. – Ты знаешь новости?

– Какие? Надеюсь, хорошие.

– Очень. Твой братец решил жениться.

– Ха, так давно пора! – радостно воскликнул он.

– Пора-то, пора. Но на ком?! На девчонке!

– Ну, правильно. Не на мальчике же.

– Очень остроумно. Он решил жениться на невесте какой соплячке!

– Сколько же ей лет? – спросил Андрей.

– Двадцать. – Андрея брови поползли вверх. И она добавила: – Да-да, двадцать лет.

– Но хоть хороша собой?

– Какое это имеет значение. Не дурна, скажем так. В пол смотрит. Скромницу из себя строит.

– Может, так оно и есть.

– Жди! Вот ты и должен доказать, что она не та, за кого себя выдает.

– Я?! Каким образом? Что-то я не ловлю.

– Что тут не понятного? Не ловит он... Ты должен ее соблазнить.

– Как соблазнить? – поразился Андрей.

– Может, мне еще научить тебя как? Что-то я тебя не узнаю.

– Соблазнить-то для меня не проблема. Просто я имею в

виду последствия.

Ничего себе, перейти дорогу брату.

– А ты не знал. Ты ее увидел, она тебе понравилась, и все дела.

– Это ясно. А если у меня не получится, и она выйдет за него? Как я буду выглядеть, когда пожалую на их свадьбу?

– Опять же, ты не знал – это, во-первых. Во-вторых, как это у тебя не получится?! И, наконец, в-третьих, так или иначе, свадьбы не будет! У тебя есть неделя. Алексей сегодня уехал и будет через неделю. До его приезда ты должен решить эту задачу. Я бы сказала, задачку.

Сосредоточенно размышляя, Андрей впился взглядом на свою родственницу.

– Неделя, – сказал он. – Бывают такие крепкие кадры, что нужно больше времени. А соблазнить всех можно. Если очень захотеть, конечно. Найти слабые места, надавить на них, и все.

– Вот это уже мне нравится. Ты должен управиться за неделю. Да я уверена, что для нее и неделя много. Ты быстро ее сломаешь. Это будет хорошим уроком для Алексея. Есть такая девушка как Вероника, и возраст у нее подходящий, а он рехнулся. Это в сорок лет!

– Ему разве сорок?

– Нет, пятнадцать. Будто ты не знаешь!

Андрей игриво посмотрел на Анастасию Родионовну.

– Ох, тетка, на что вы меня толкаете.

– На благородное дело.

– А где эта ваша скромница?

– Здесь. В этом доме.

– Как здесь? – всполошился он. – Она же увидет меня может!

– Я имею в виду, что она живет здесь. А сейчас она в институте. В том же, где ты учишься и который ты никак не можешь окончить. У нее там сейчас какие-то курсы. Каждый день ее возит туда наш Николай. Завтра я лишу ее этой возможности. Ну, как, ты готов?

– А что мне будет при удачном для вас исходе?

– Ах, ты, засранец! Избаловала тебя твоя мать вконец. Что же ты ждешь от меня? У тебя же все есть.

– Все равно, должен быть определенный интерес, я бы сказал, стимул.

– Стимул – моя любовь.

– Это стоит того, тетка. Кстати, вы баловали меня больше, чем моя мать.

– Потому что ты засранец, как это не парадоксально. Сорванец.

– Потому что ваш сорванец, – он заговорщески подмигнул ей.

– Завтра утром в девять будь у института. Она выйдет из нашей машины.

Это и будет она.

– Есть тетка!

– Только очень постарайся.

– Не сомневайтесь. Только учтите, если вдруг так получится, что из-за всего этого Алексей решит меня побить, вы станете на мою защиту.

– Встану – встану. Да он еще и спасибо нам скажет, что мы ее разоблачили. Ну а теперь иди. Она может скоро появиться. Не хватало, чтобы она застала тебя здесь. Да, когда все получится, надо это как-то зафиксировать. Для доказательства! – Анастасия Родионовна подняла вверх палец, на котором был одет перстень. Перстень засверкал своими камнями, и Андрей обратил на него внимание. Кивая на перстень, он спросил:

– Тетя Аня, скажите: почему фамильные драгоценности у вас сохранились, а у мамы нет?

– Потому что твоя мать круглая дура, – ответила она улыбаясь.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно. Это не просто старинные драгоценности, но еще и память о предках, что для меня свято. А твоя мать относилась к ним совсем иначе и поэтому без сожаления все свое пустила на бизнес.

– Но ведь успешно.

– Да, но это никоим образом не оправдывает ее.

Андрей поцеловал Анастасию Родионовну, пожелал ей здоровья и тотчас удалился, сияя в улыбке.

Проводив взглядом племянника, Анастасия Родионовна

открыла книгу с недочитанной там мелодрамой. Анастасия Родионовна была страстной любительницей мелодрам, и когда они попадались ей талантливо написанные, она получала истинное удовольствие. Но в последнее время стоящие произведения ей встречались крайне редко.

Прочитав несколько страниц, до нее дошло, что ее глаза читают безотчетно, ибо из прочитанного ее мозг ничего не воспринял. Ее мысли были заняты другим, и она поняла, что в продолжение ее любимого занятия нет никакого смысла.

Анастасия Родионовна закрыла книгу и бросила ее на журнальный столик. Включила телевизор и тут же отключила его. Ей захотелось на ком-то сорваться, но, к ее сожалению, в доме она находилась одна. В очередной раз Анастасия Родионовна застучала пальцем по столику.

Света заняла ее мысли.

У нее была неделя, чтобы раскусить эту молодую особу. Отъезд Алексея оказался как нельзя кстати, и она порадовалась этому удачному для нее стечению обстоятельств. В противном случае, отчего она содрогнулась, ей бы ни за что не удалось распознать эту новоявленную невестку. Во всяком случае, сделать это было бы весьма трудно. Бесспорно, – как бы еще раз подтверждая свою мысль, отметила для себя Анастасия Родионовна, – в присутствии Алексея, когда эта девчонка могла бы прятаться за его спиной, вывести ее на чистую воду было бы делом проблематичным. В принципе, это и происходило все то время, как она стала жить в их

доме. Вот уж воистину, все что ни делается, делается к лучшему, заключила она и еще раз испытала некоторую радость относительно отъезда Алексея.

Ее несколько приподнятое настроение было омрачено приходом Светланы.

Войдя в дом, Света скрылась в отведенной для нее комнате, а привезший ее Николай прошел к Анастасии Родионовне.

– Я вам не нужен? – спросил он. – Мне Алексей сказал, что я не нужен буду вам, но я все-таки решил у вас спросить, на всякий случай. Вдруг изменилось что.

– Нет, не нужен, – беспечно ответила она.

Николай кивнул головой, намереваясь уйти, но Анастасия Родионовна, остановив его жестом, сказала:

– Николай, завтра отвезешь эту... как ее... Свету, а потом поставь машину на профилактику.

– Зачем? – удивился Николай.

– Что за глупый вопрос? Зачем ставят машину на профилактику?!

– Так я уже ставил ее, – ответил он, – и не так давно.

– Значит, поставь еще раз, – с металлом в голосе произнесла она. И после секундной паузы очень мягко добавила: – А потом, до приезда Алексея, отдохни.

– А как же Света? – спросил он вдруг. – Как она будет добираться до института?

«Еще один поддавшийся ее чарам», – подумала она и вы-

палила:

– Это не твоя забота, Николай. Не барыня, доедет на общественном транспорте.

– Тогда ей придется вставать ни свет, ни заря, чтобы вовремя попасть в институт.

– Тебе-то что, я не пойму!?! – взревела Анастасия Родионовна.

Николай опомнился и от греха подальше с виноватым видом промолвил:

– Ничего, все ясно. Я могу идти?

– Иди.

Николай с облегчением удалился, а Анастасия Родионовна бросила гневный взгляд в сторону комнаты, где поселилась Света. Интересно, подумала она, когда эта кукла соизволит выйти из своего гнездышка? Решив не дожидаться ее появления, Анастасия Родионовна сама пошла к ней – стремительно, как молодая львица.

Постучав в дверь ее комнаты, она громко сказала:

– Я жду тебя на кухне. Два часа, обедать пора.

Света что-то прокричала ей в ответ, но она уже не слышала ее. А точнее, не захотела, ибо, как только Света подавала голос, она тут же отошла от двери и захлопала в ладоши. Специально! Ну не хотела она слышать ее в эти секунды!

На кухне раздраженная Анастасия Родионовна взяла себя в руки. Ей удалось успокоиться как раз к тому времени, когда появилась Света, «скромница, смотрящая в пол». Милая и

трогательная она встала у порога в замешательстве. Анастасия Родионовна недовольно на нее покосилась, от чего Света совсем растерялась. Она выглядела, как провинившаяся школьница и, как ни странно, этим своим видом заставила Анастасию Родионовну сжалиться над ней. «Но меня, девочка, этим не купишь», – тем не менее, подумала она.

– Что стоишь, присаживайся, – со снисхождением, подобно царице, произнесла Анастасия Родионовна.

Света присела, озираясь вокруг. Она задерживала взгляд на чем угодно, только не на Анастасии Родионовне, которая в свою очередь пожирала ее глазами. Анастасия Родионовна не без чувства удовлетворения наблюдала, как Света мучается от того, что находится не в своей тарелке. Повисло тяжелое молчание – тишина, которую нарушала хозяйка, постукивавшая пальцем по столу.

– Нина Петровна заболела, – наконец сказала Анастасия Родионовна. – Теперь тебе самой придется справляться по дому.

– Я с удовольствием, – с подкупающей искренностью произнесла Света, и впервые за все время нахождения на кухне посмотрела на Анастасию Родионовну. – Я и обед могу приготовить. Все что хотите. Я все умею готовить, даже пирожки могу печь. Вы любите пирожки? Мне нравится готовить. Я с семи лет готовлю. Я и шить могу и вязать. Вот видите на мне эту кофточку, это я сама связала.

Анастасия Родионовна была несколько удивлена, когда

Света умолкла. Но ни тем, что Света такая мастерица на все руки, а тем, с каким энтузиазмом она откликнулась на ее предложение, а точнее будет сказано, указ. Словно она предложила ей поучаствовать в празднике, а не в тяжелой, по ее мнению, работе по дому.

– У тебя времени будет мало, – произнесла Анастасия Родионовна со скрытым издевательством. – У тебя институт, а тут еще Николай ставит машину на профилактику. Тебе придется туда и обратно ездить на автобусе или электрички. Не знаю, что там едет, не ездила.

– Это не страшно, – также воодушевленно сказала Света. – Я все успею. Вы не волнуйтесь. Вы и не почувствуете, что нет Нины Петровны.

– Посмотрим, – вставая с места, произнесла Анастасия Родионовна.

– Кушай без меня, мне пока не хочется. – Она вышла из кухни и на ходу, не оборачиваясь, добавила: – Да, завтра Николай еще отвезет тебя утром в институт. Только утром!

Анастасия Родионовна прошла в свою комнату и прилегла на кровать. Дневной сон был для нее законом. С мыслью о том, что нечего себя изводить, а дожидаться когда Андрей поставит все на свои места, Анастасия Родионовна безмятежно заснула.

События последующих дней развивались в разрез предполагаемого сценария Анастасии Родионовны. Такое она не могла представить себе даже в смелых фантазиях. Подобное разве что могло присниться ей. Ну, никак не ожидала Анастасия Родионовна, что в итоге Света сможет ее очаровать. Но Анастасия Родионовна не торопилась признаваться в этом. Ей мешало ее чрезмерное самолюбие и еще, самое главное, ее звериное чутье. Когда Анастасия Родионовна чего-то не знала или не понимала, то она всегда полагалась на чувство, и чтобы оно подвело – такого случая не было в ее жизни.

Казалось бы, все хорошо, если не одно НО. Анастасии Родионовне не давали покоя Светины глаза, которые не могли скрыть некое испытываемое ею чувство какой-то вины перед ней или вообще – перед кем бы то ни было.

Света показала себя прекрасной хозяйкой и, в сущности, невооруженным глазом было видно, что дом для нее не просто дом, а нечто большее. Ту любовь, какую она проявляла к дому, нельзя было сыграть, как нельзя было сыграть и то ее теплое отношение, какое она проявляла к ней самой. Да еще тут в придачу Андрей, который никак не мог выполнить ее поручение, что тоже говорило о многом в пользу Светланы.

Был еще один сильный аргумент в пользу Светланы, если

не сказать, главный. Как ни странно, он крылся в мелодраме, которую читала Анастасия Родионовна. Уж очень ее история была схожа с той, что развивалась в романе, где одними из главных его персонажей были старая женщина и терроризируемая ею ее молодая невестка, представлявшая собой привлекательную и порядочную девушку. Свекровь так неоправданно изводила ее, что бедная – в прямом и переносном смысле – невестка была готова бежать от нее, куда глаза глядят. Читая об этом, Анастасия Родионовна возненавидела эту старуху, и стала переживать за девушку, желая ей в ее дальнейшей истории благополучный исход. Не желая походить на умалишенную старуху мелодрамы, а именно так она представлялась ей из-за своих маразматических действий против своей невестки, Анастасия Родионовна невольно стала смотреть на Светлану другими глазами.

Короче, первоначальные ожидания Анастасии Родионовны разбивались в пух и в прах. Она была крайне растерянна и совершенно не знала, что ей делать дальше.

Казалось бы, все очевидно, Светлана чистое создание, не от мира всего, можно сказать, что она воплощала все лучшее, что может найти в ней нормальный человек, и, тем не менее, на сердце Анастасии Родионовны было не спокойно.

Она торопила Андрея, но тот говорил ей, чтобы она набралась терпения. И при этом где-то подспудно, еще не осознавая этого, Анастасия Родионовна не хотела, чтобы Андрей совратил Светлану. Дух противоречия охватил ее с ног

до головы и, в конце концов, после долгих и мучительных размышлений она остановилась на том, что коли, суждено быть тому или иному, так оно и будет. И тогда ей надо будет только смириться с этим.

По истечении недели, накануне приезда Алексея, когда Света была в институте, к Анастасии Родионовне приехал Андрей, также с лоском одетый, но уже без своей неизменной улыбки. Его и некая блудливость куда-то подевалась. Анастасия Родионовна впервые видела таким своего любимого племянника.

– Добрый день, тетя Ань, – сказал он понуро.

– Добрый – добрый, – едва слышно проговорила она. – Что скажешь?

– Ничего, кроме того, что Алексею крупно повезло.

Анастасия Родионовна вяло улыбнулась.

– Даже так?

– Даже так. Я применил с ней все что мог. Все оказалось впустую. Оставалось разве что насильно, но это, сами понимаете, было бы в счет в нашем с вами деле. Она любит Алексея. Во всяком случае, она верна ему. И мне кажется, будет верна ему до гроба жизни. Это мой первый промах, и я рад этому. Много я видел девушек, но такую впервые. Она словно с другой планеты. И скажу больше: я бы с удовольствием сам оказался на месте своего братца. Алексей далеко не дурак и разглядел ее сразу. Так что извините, тетя Ань.

– Не извиняйся, – сказала Анастасия Родионовна так, буд-

то на все ставила жирную точку, – я тоже не разочарована таким исходом.

– Правда?! – оживился Андрей.

– Правда, – уверенно ответила она. – Ведь я прожила с ней бок о бок неделю и пока соглашусь с тобой.

– Все-таки «пока»?

– Да, пока. Жизнь не предсказуема. Поживешь с мое, поймешь.

– Значит, мы будем гулять на свадьбе? – спросил Андрей, вернув своему лицу сияющую улыбку.

– А тебе только погулять, сорванец, – ответила она скучающим тоном. – Посмотрим – посмотрим. Рано бить в литавры.

Во дворе резко потемнело, и поднялся шквальный ветер. Андрей глянул в окно.

– О, сейчас такое будет! – воскликнул он. – Поеду я, может, успею трассу проехать, пока все не начнется. Не люблю ехать по трассе, когда потемки и ливень.

– Лучше пережди здесь, – предложила ему Анастасия Родионовна.

– Нет, поеду я, – отказался он. – И потом, я не хочу, чтобы меня застала Света. Как я ей в глаза посмотрю? Пускай пройдет время! – Он бросился к выходу. – Пока тетка! Алексею привет!

От ветра забило окно, и Анастасия Родионовна встала, чтобы его закрыть. Закрыв окно, она пошла по другим ком-

натам, дабы закрыть окна и там. Анастасия Родионовна вошла и в комнату Светланы. К тому времени уже пошел проливной дождь, и из-за сильного ветра через открытую там форточку вода попадала на подоконник и пол. Она проворно закрыла форточку, успев слегка намочить свои уложенные в прическу волосы.

– Надо же, как разыгралось, – сказала она сама себе.

Едва она хотела покинуть комнату, на ее глаза попалась валявшаяся у кровати толстая тетрадь. Анастасия Родионовна подняла тетрадь и где-то на середине машинально ее раскрыла. Это был дневник Светланы. И там, где остановился ее взор, она прочитала следующее:

«20.09.10.

Уже год, как я сплю с мужчинами за деньги. Последний раз их было сразу двое и с ними мне пришлось переспать. Этот Сергей стал моим «покровителем». За чужие деньги спит со мной, когда захочет. Как напьется, так зовет меня...»

Страница закончилась, и чтобы дочитать текст, нужно было открыть следующую страницу, но Анастасия Родионовна не смогла это сделать. Пребывая в шоке, у нее перехватило дыхание. Она присела на кровать и отбросила от себя тетрадь так, будто получила от нее сильный ожог. Брезгливо потирая и тряся руками, Анастасия Родионовна в сердцах произнесла: «Вот и все! Ах ты, «божий одуванчик», ей почти удалось всех нас одурачить. Недаром мое сердце чувствова-

ло. А эти ее глазки... То-то ты смотрела в пол. Ай да, Алексей!»

Анастасия Родионовна, будучи сильной женщиной, заставила взять себя в руки и успокоиться. Лежащая вновь на полу злосчастная тетрадь опять привлекла ее внимание. С отвращением, глядя на нее, у Анастасии Родионовны вдруг закружилась мысль: «А ее ли это дневник?» Отгоняя от себя сомнение, она все же взяла тетрадь в руки и открыла ее первую страницу, где черным по белому было написано: «Света Савицкая. Мой дневник». «Вот и все», – еще раз повторила Анастасия Родионовна. Но спустя секунду, вдруг, неожиданно для себя, она не захотела поверить тому, что прочитала буквально минуту назад. «Так не бывает», – произнесла она и открыла следующую страницу.

«01.09.02.

Моя подруга Таня завела дневник. И я решила его завести. Ведь мне тоже важно высказаться.

Сегодня я пошла в шестой класс. За лето все девочки подросли, а мальчики нет. Мама с трудом собрала меня в школу. Чтобы купить мне все необходимое, ей пришлось даже занять деньги у своей подруги, тети Оли.

Бедная-бедная моя мама. Мне ее очень жаль. Все время хватается за живот, а мне не признается, что у нее там что-то болит.

Моя любимая мама! Я тебя люблю!»

«09.09.02.

На меня как-то странно стал смотреть Вовка. Драчливый и хулиганистый, он, когда со мной разговаривает, краснеет. При этом он становится очень смешным. Он влюбился в меня, дурачок. Хотя нет, почему дурачок? Он хороший мальчик».

«19.09.02.

Сегодня, когда мы с Таней возвращались со школы, нас встретил ее папа. Я увидела его первый раз. Он был в долгосрочной командировке и как только приехал, то сразу же пошел встречать Таню. Увидев его, Таня побежала к нему на встречу и бросилась ему на шею. Несмотря на то, что Таня девочка крупная, он с легкостью подбросил ее высоко вверх. И он, и она были счастливы.

А я своего отца не помню. Он бросил нас с мамой. Как так можно было? Это же противоестественно! Как бы я хотела, чтобы ты вернулся папа! Ведь ты тоже мог подбросить меня так высоко. И ведь мы тоже могли быть счастливы».

Анастасия Родионовна пролистала дневник на несколько страниц вперед. Ее одолевало чувство стыда и ей захотелось прекратить такое гнусное занятие, как чтение чужого дневника. Однако пошли новые строки, и она продолжила.

«31.12.02.

Вот и Новый год наступил, мой любимый праздник. У всех хорошее настроение, но только не у меня. Я переживаю за маму. Ей уже не удастся скрыть от меня

свои боли. Она старается, чтобы праздник я провела не хуже других, но мне все не в радость. Я хочу только одного, чтобы мама не болела. Она у меня такая хорошая! Почему папа ушел от такой женщины? Неужели есть лучше, чем моя мама?!

Я ей во всем помогаю, но надо освободить ее от всех домашних дел».

«25.01.03.

Зима уже надоела, как и надоело таскать уголь в печь. В газовой стране живем, а до сих пор в нашем городе все отапливаются углем. Если бы мы жили у черта на куличках, но мы-то живем в центральной части России. Холода будут еще как минимум месяц, а уголь уже заканчивается. Придется экономить».

«31.01.03.

Мама стала пить лекарство и ее боли прекратились. Она ожила. Я так счастлива! Мне хочется жить, петь и танцевать!»

Анастасия Родионовна, из-за желания скорее покончить с этим, вновь пролиставла дневник на несколько страниц вперед. Ей бы бросить все это к черту, но некая сила толкала ее и дальше творить это отвратительное, в полном смысле этого слова, деяние. От чувства своей вины она была так взволнована, что тряслись ее руки, отчего они с трудом удерживали дневник. Она продолжила.

«30.05.03.

Наконец наступили летние каникулы. Мы уже успели искупаться в нашей речке. Я люблю нашу природу. Наш лес, нашу речку, наши поля – все-все! Особенно летние вечера со сверчками!

Вовка отказался куда-либо уезжать на летние каникулы. Так и сказал мне, что хочет провести лето рядом со мной. Я не возражаю, чтобы он дружил со мной. Все-таки он смешной».

«05.06.03.

Моя грудь сильно выросла. Неужели она будет расти и дальше?! Я бы не хотела. Я не хочу такую большую грудь, как у Тани.

Я изменилась. Повзрослела».

«07.06.03... – 20.07.03...»

«25.07.03.

Сегодня встретила Юлию Ивановну, нашу классную руководительницу. У нее были тяжелые сумки, и я помогла ей донести их до ее дома. Она угостила меня чаем. В ее глазах читались боль и разочарование. Мне кажется, что в своем большинстве наши педагоги несчастные люди. И главное их несчастье, как мне думается, в их растерянности, ибо они сами толком не знают, чему нас учить. Для нас учеников они должны были быть некими святыми что ли, а их всенародно растоптали, как растоптали все лучшее оставленное нам прошлым. Ведь как я понимаю, что такое опыт.

Опыт, это когда все плохое и неверное отбрасывается, а хорошее и правильное остается и развивается. Это же так просто».

«30.07.03... – 25.04.04...»

«30.04.04.

Сегодня Вовка поцеловал меня в щеку. Я не ожидала совсем и хотела треснуть его портфелем, но у него был такой жалкий вид, что я передумала. Он стал совсем другим. Он повзрослел, а я не заметила как».

«20.05.04.

Вчера я узнала от Тани, что оказывается в нашем классе все девочки курят, не говоря уже о мальчиках. И сама Таня курит украдкой от всех. Я в ужасе. Таня, как я поняла, тайный агент, про всех все знает. Она мне еще такое порассказала, что поверить не могу! Оказывается я белая ворона.

Я останусь таковой! Я не хочу быть как все! Тем более эти все такие!»

«25.05.04... – 02.06.06...»

«05.06.06.

Очередные летние каникулы, последние. Немного грустные они. Володя с родителями переехал в другой город. Прощаясь со мной, он обещал писать. Когда расставались, в самый последний момент, я его

поцеловала, от чего он от радости запрыгал. Только сейчас, когда его нет, я по-настоящему осознала, какого я потеряла друга. По большому счету он был такой же белой вороной, какой была я. Мне кажется, что мы больше никогда не увидимся».

«10.06.06.

Я устроилась работать в столовую. Буду трудиться все каникулы. Деньги не ахти какие, но для нас с мамой они будут нелишними. Я на все пойду, лишь бы облегчить маме жизнь. Моя любимая, ты мой свет, ты моя отрада!»

«15.06.06... – 20.05.07...»

«25.05.07.

Сегодня был последний звонок – радостное и в то же время печальное событие. Все как положено, по традиции, пошли гулять, а я весь день провела дома рядом с мамой. У нее вновь появились боли, и лекарства не помогают ей. Она внешне сильно изменилась, и я смотрю на нее с содроганием. Мое сердце обливается кровью. Надо что-то делать. Ей срочно необходимо пройти полное обследование. Из-за своих болей она не может полноценно трудиться на своей работе, поэтому у меня одна дорога после школы – идти работать в свою столовую. Ни о какой дальнейшей учебе я и думать не вправе. Со своими мечтами придется расстаться».

«30.05.07... – 30.05.08...»

«02.06.08.

Мама вернулась с больницы. Врачи так и не выяснили, что с ней. Они стали хуже палачей. Вывать их к совести или напоминать им о клятве Гиппократы не имеет смысла – в них не осталось ничего святого. В белых халатах остались только – мясники.

Все деньги уходят на лекарства маме. Спасибо тети Оли, чем может, помогает. Вроде маме стало лучше.

Моя любимая мама! Поживи еще со мной!»

«06.06.08.

Я уже работаю в буфете при столовой. Стала больше получать и не так уставать как раньше.

Приезжала Таня, радостная. Учиться в столице в университете, встречается с парнем. Я очень рада за нее.

Приглашала меня к себе в Москву. Я пыталась ей объяснить, что это невозможно, но она не слышала меня – она купалась в своем счастье. Счастливый человек всегда немного глух и слеп.

Да поможет ей Бог!»

Анастасия Родионовна очередной раз пролиставала дневник вперед.

«31.08.09.

Мама уже не встает. Я подняла всех на ноги. Последний врач, профессор, которого я нашла, сказал,

что спасение только в одном лекарстве. Я нашла его, но оно стоило непомерных денег. Для начала мне помогла его купить тетя Оля, а что потом? Мне не осилить никогда весь курс, а у тети Оли возможности неограничены.

Боженька, помоги мне! Мамочка моя... Писать не могу, слезы душат меня».

«10.09.09.

Произошло ужасное. Мне не хочется жить. Несколько дней назад меня изнасиловали. Только сейчас я поняла, что все было подстроено.

Моя знакомая Лида пригласила меня к себе домой, где был некий Сергей. Когда Лида куда-то вышла, это животное набросилось на меня. Я сопротивлялась, как могла, но на мою беду силы мои оказались недостаточными.

Удовлетворив свою похоть, он бросил мне деньги и ушел. Я поначалу деньги отбросила от себя, но потом, рыдая, взяла их. От злости! Я не могла их не взять, потому что они нужны были моей маме.

Я ненавижу себя! Как безобразен мир.

Почему столько мерзости вокруг?!

А эта Лида? Как она могла так поступить? Заманила меня и бросила. Ведь она тоже женщина!

Меня этот случай сильно подкосил и я, наверно, никогда не оправлюсь от этого.

Жестокий мир, жестокие сердца...

Бездушность царит вокруг одна.

Что же делать, как дальше жить?
Не уж-то совесть надо позабыть?»

«20.09.09.

Этот Сергей позвал меня сегодня к себе. Хочет, чтобы я провела время с одним человеком. Предложил мне за это деньги – месячную мою зарплату. Я пойду. У меня нет другого выхода.

Прости мама! Ради тебя иду. Прости!»

Анастасия Родионовна еще раз пролистала дневник вперед. Ее глаза наткнулись на ту страницу, где было написано то, что первое она прочитала в этом дневнике. Тогда она прервала свое чтение, но на этот раз ей захотелось дочитать все до конца.

«20.09.10.

Уже год, как я сплю с мужчинами за деньги. Последний раз их было двое и с ними мне пришлось переспать. Этот Сергей стал моим «покровителем». За чужие деньги спит со мной, когда захочет. Как напьется, так зовет меня к себе. А я не могу отказать ему, потому что от него зависима. Он мне ненавистен, а мне приходится терпеть его. Эти грязные деньги держат мою маму.

Деньги – сотворение сатаны!

Миром правят деньги, а значит, миром правит сатана!

Я не выдержу всего этого».

«27.10.10.

Я с трудом взяла ручку. Мамы больше нет. Моя мамочка умерла. Нет, я не могу писать...»

«07.12.10.

Я совсем одна. Моей мамочки больше нет со мной. Во имя ее спасения я положила на алтарь свою честь, но, как оказалось, напрасно. Видимо, мое такое самопожертвование во имя спасения близкого мне человека не угодно Богу. Мне лишь удалось немного оттянуть неотвратимое.

За что мне такое наказание?!

Смерть мамы избавила меня от кошмара, который я терпела больше года. Больше не существуют для меня это животное Сергей и его мерзкие похотливые друзья.

Я навсегда освободилась от них!

Где ты, папа? Ты так и не вспомнил о своей дочери. Как дальше жить?

Куда прислониться?

Нас осталось двое, я и ты – мой дневник».

Анастасия Родионовна в последний раз пролиставла дневник вперед.

«17.04.11.

Сегодня познакомилась с Алексеем. Во всяком случае, он так представился. Он приехал в наш город на несколько дней. Прогуливаясь по городу и встретив меня на улице, он спросил у меня, где можно еще поесть, кроме гостиницы, где он остановился.

Я проводила его до ресторана – мне было по пути – и он предложил мне составить ему компанию. Я отказывалась, но в итоге сама не поняла, как согласилась и как оказалась с ним за одним столом в ресторане.

Мы с ним разговаривали о том, о сем и мне казалось, что он мой одноклассник. Конечно, это заслуга его. Алексей очень приятный человек. Он напомнил мне моего отца, которого я часто себе представляла в своем воображении. Именно таким, каким он представлялся мне, я и хотела его видеть в своем детстве. Я и сейчас хотела бы видеть отца. Только с годами это мое желание, в силу понимания его несбыточности, стало редко возникать у меня».

«18.04.11.

Алексей прислал мне через своего водителя цветы, почему-то плюшевого мишку и записку, где предложил мне полетать с ним на вертолете. Заодно он сделает свои дела. «Уважь старика», – этими словами заканчивалась его записка. Я согласилась и не жалею об этом. Что меня больше всего поразило, так это то, что он сам, один, управлял вертолетом.

Зачем он оказывает мне такое внимание? Что особенного он мог во мне увидеть? К тому же у нас такая разница в возрасте.

Алексей удивительный человек. Вроде обычный, но, сколько в нем теплоты!

Это я почувствовала сразу».

«20.04.11.

Прошел день, а Алексей не дал о себе знать. Наверное, дела и просто ему уже не до меня. Он деловой человек... Странно, он заставил меня думать о нем. Даже если он больше не вспомнит обо мне, я все равно буду благодарна ему.

Он сумел вдохнуть в меня некую надежду...»

«21.04.011.

Сегодня вечером у работы, что я совсем не ожидала, меня встретил Алексей. Он загадочно улыбался, а его глаза светились. Он сказал мне, что очень голоден и если я сейчас немедленно не пойду с ним в ресторан, то тогда ему придется съесть меня – и прямо на улице. Ответив ему, что я не съедобна, и что мной можно только отравиться, я согласилась пойти с ним в ресторан.

Алексей рассказал мне все о себе, а я о себе. Кроме одного... От моего рассказа он загрустил, но потом прошептал весь вечер.

В субботу, т. е. завтра, Алексей предложил мне пуститься в разнос. Что это значит, он не сказал мне, но я была уверена, что это ничем плохим для меня не обернется. И поэтому его предложение я сразу приняла. Интересно, что он имел в виду под словами «пуститься в разнос»?

«23.04.11.

Субботу я провела как в сказке. Теперь-то я знаю, что значит для Алексея «пуститься в разнос». Но я бы дала другое определение тому, что было в этот день.

Я даже не подозревала, что в человеке его возраста может быть столько задора!

Мы на катере поехали на остров, где Алексей собственноручно сделал шашлыки. Я столько съела, аж стыдно признаться. Потом мы сели в вертолет и полетели к его другу Михаилу, у которого в лесу был большущий дом.

Я играла там в бильярд, боулинг, купалась в бассейне. Я даже покаталась на пони. Большую лошадь мне не доверили.

Алексей был внимателен и где-то трогателен. Даруя мне сказку, у него и в мыслях не было воспользоваться этим со мной. Он без сомнения очень и очень порядочный человек! Сколько в нем благородства, великодушия. Видимо, о таком как он можно сказать, что это человек голубых кровей».

«25.04.11.

Случилось нечто невероятное. Сегодня Алексей приехал ко мне, чтобы попрощаться. Он уезжал к себе домой в Москву. Мне было жаль с ним расставаться. Я пожелала ему счастливого пути, и он сел в машину. Но потом, вдруг, он выскочил из нее, решительно подошел ко мне и так же решительно, как снег на голову, сказал: Я хочу, чтобы ты поехала со мной». «Как?» – все что я могла спросить у него от неожиданности. «Навсегда, –

ответил он. – Нечего тебе здесь делать. Если согласна ты, завтра уедем вместе». Я, как дурочка, утвердительно закивала головой. «Тогда собирайся. Вечером заеду», – все также решительно сказал он, сел в машину и уехал.

Я собралась и вот жду его. Наверно, мне неизвестно, что я творю. Это же сумасшествие с моей стороны! Нет, я никуда не поеду! Нет – нет!

Я занимаюсь самообманом. Мне хочется с ним ехать – куда угодно! Хоть на край света!»

«27.04.11.

Я в Москве. Я в доме у Алексея. Познакомилась с его мамой. Мне неловко. Чувствую себя отвратительно. Я скрыла от Алексея самую пакостную историю своей жизни. Его мама словно чувствует это, и я не могу смотреть ей в глаза.

Напрасно я приехала.

Я же дала согласие Алексею, что выйду за него замуж. Как теперь отказаться от своих слов? Обратной дороги нет. К тому же, Алексей стал мне так близок».

«29.04.11.

Анастасия Родионовна суровая. Она не скрывает, что недолюбливает меня. Но я сделаю все, чтобы она меня полюбила. Я буду ей настоящей дочкой. Какой бы она ни была со мной, для меня это не имеет значения. Ведь она мама Алексея, а значит и моя.

Я все должна сделать для того, чтобы Алексей был счастлив со мной».

Анастасия Родионовна дневник закрыла.

* * *

То, чего Анастасия Родионовна добивалась и не могла добиться, теперь же она с легкостью могла сделать благодаря тому, что сжимала в своей руке – настоящая бомба для Алексея. Зная характер сына, Анастасия Родионовна была уверена, что он никогда не перешагнет через то, что скрывал этот дневник – через то главное, что скрывает от него Светлана. Алексей ее сын, а потому он никогда не допустит возможность того, чтобы на него указывали пальцем по известной причине. Он никогда не станет посмешищем в чьих бы то ни было глазах.

Анастасия Родионовна привстала, в задумчивости устремив свой взгляд на камин. В этом положении ее застала приехавшая из института Света. Она впиалась глазами в свой дневник, задрожав как осиновый лист.

Анастасия Родионовна видела, как Света с трудом удерживается на ногах и как ее лицо стало бескровным, подобно мертвецкому. В ее глазах читалось – ужас и понимание своего краха. Еще немного и она упала бы без чувств.

Анастасия Родионовна подошла к ней вплотную и, после небольшой паузы, сказала:

– Я вошла в твою комнату, чтобы закрыть форточку. Дождь заливал подоконник и пол. – Она указала на тетрадь. –

Что это? Она валялась на полу.

– Мой... дневник, – с трудом, словно на последнем вздохе, произнесла Света.

– Негоже бросать его, где попало, – назидательно сказала Анастасия Родионовна. – Свои не будут читать чужой дневник, но кто-то посторонний может же заглянуть в него. – Она протянула ей дневник. – Возьми и сожги его. Вести дневник удел молоденьких девушек, а ты готовишься стать женщиной, женой, матерью, наконец. Переодевайся, и будем обедать.

Оставив Свету, Анастасия Родионовна прошла в гостиную. Она присела в кресло, запрокинув ноги на журнальный столик. Перед ней на столике лежала книга – последняя мелодрама, которую она прочитала. Глядя в задумчивости на книгу, она заговорила сама с собой:

– Да, эта лучшая мелодрама в моей жизни. Я была ее участником и ее соавтором. Без моего соавторства разве что финал мог бы быть другим. Но я не думаю, что любой другой финал был бы по душе кому-нибудь.

Анастасия Родионовна вновь, по своему обыкновению, стала постукивать пальцем по столику.

Родная кровь

На крыше ветер дул сильно, но не настолько, чтобы ему помешать. Он прицелился.

Цифра «семь» его любимое число, и перед выстрелом он обязательно наудачу сосчитает до семи. Это стало его привычкой. Впрочем, наудачу он считал до семи и в других случаях.

В отличие от прошлого раза Александр мог не спешить, поскольку эту возможность ему давал человек, на которого он направил свою винтовку. Не спешила намеченная его жертва, не спешил и он.

Держа на мушке цель, Александр спокойно считал: «Один, два, три...» И лишь на десятой секунде, произнеся мысленно «семь», он нажал на курок.

Сверху ему было хорошо видно, как человек, в которого он стрелял, повалился на асфальт.

Пока охрана бегала вокруг, уже мертвого, своего подопечного, Александр оставил оружие на крыше, а сам спустился вниз на улицу, где растворился среди прохожих.

Седьмой, последний заказ, был выполнен.

У дома, где Александр снимал квартиру, ему не понравилось – вызвала подозрение с затемненными стеклами незнакомая ему машина, которая стояла возле его подъезда. Он точно знал, что никому из жильцов дома эта машина не

принадлежит – от нее так и веяло опасностью.

«Вычислили суки», – выругался он и поехал на свою другую съемную квартиру. У него их было несколько, потому что он никогда не проводил две ночи кряду в одной и той же квартире. Всегда и во всем соблюдать осторожность – главная его заповедь и, будучи верен ей, он не раз спасал свою шкуру: и когда служил в армии, и когда воевал на Кавказе, и когда профессионально занялся заказными убийствами.

Во дворе дома другой квартиры было спокойно. И все же Александр не пошел через подъезд, а поступил иначе: он поднялся по пожарной лестнице на крышу, потом проник на чердак и уже оттуда осторожно прошел к себе.

Едва он ступил на порог квартиры, затрезвонил его мобильник.

Ему звонил его деловой партнер Гришка, такой же бывший воспитанник детского дома, каким был он сам. Когда-то, давно, этот факт их и сблизил.

– Я слушаю, – сказал Александр.

– Ты где, – спросил Гришка.

– Я на третьей.

– Я скоро буду.

– Хорошо.

Александр налил в бокал вино – неременный атрибут после удачного дела, – сделал глоток и прошел в ванную, чтобы побриться.

Он взял пену для бритья, бритву, но бриться не стал – пе-

редумал. «Не сейчас, не к чему», – сказал он себе и, собрав свои туалетные принадлежности, бросил их в дорожную сумку. Туда же он побросал пару рубашек, кроссовки и спортивный костюм. Больше ничего брать с собой Александр не хотел, и те вещи, что занимали добрую половину шкафа, он оставил на месте. «Будем драпать налегке», – бросил он.

Допивая вино, Александр смотрел в окно. Двор жил своей обычной жизнью: сосед по лестничной площадке выгуливал свою собаку, женщина с последнего этажа сюсюкалась на скамейке со своим грудным ребенком, копались в песочнице дети из соседнего подъезда. Появился дворник – таджик, добросовестно замахавший метлой.

Продолжая наблюдать за прилегавшей к дому территорией, Александр дождался Гришку. Оглядываясь по сторонам подобно нашкодившему подростку, он приближался к подъезду.

Гришке было тридцать лет от роду, а выглядел он как юнец. Его невинное лицо совсем не соответствовало тому, чем он занимался. Это Александр – плотного сложения, с пунцовым лицом и с прожигающим взглядом соответствовал образу человека сеющего смерть. А этот, в общем-то, хлюпик, казался человеком, не способным обидеть даже муху.

Убедившись, что за Гришкой нет «хвоста», Александр подошел к наружной двери и посмотрел в глазок.

Спустя три минуты Гришка показался на лестничной пло-

щадке, и Александр распахнул перед ним дверь.

Весь взмокший, Гришка прямо с порога выпалил:

– Дай мне чего-нибудь выпить. Водка есть?

– Водки нет, – сказал Александр, наливая ему в рюмку коньяк.

– Что за дозу ты мне наливаешь? Будто сердечные капли мне даешь. У меня с сердцем все в порядке пока, – недовольно произнес Гришка.

– Это же коньяк.

– Я не на приеме. – Он взял стакан. – Давай наливай сюда до половины.

Наливая требуемое, Александр спросил:

– Бабки с тобой?

– Да.

– Проблем не было?

– Нет, не было. Хватит и тех, что уже есть.

Опустошив стакан, Гришка вынул из своей небольшой сумки увесистую пачку долларов.

– Здесь все? – поинтересовался Александр.

– Да. – Гришка плюхнулся в кресло. – Надо было давно уносить отсюда ноги, а ты давай седьмого, седьмого. Обложили со всех сторон. Так и горит земля под ногами. И мен-ты ищут нас, и братва... Крепко мы с тобой попали. Столько врагов, сколько у нас, по-моему, ни у кого нет. Но ничего, ничего...

– Это наша судьба такая, быть гонимыми. Все было пред-

начертано нам с детства, – задумчиво сказал Александр.

– Какая там судьба, все дело в деньгах. Был спрос, хорошо платили, вот мы и ввязались в это дело. Всем мы были нужны: и бандюгам, и коммерсантам, и чиновникам, и даже ментам, пускай и бывшим. Всем этим дерьмом я уже по горло сыт. Тебе что, ты нажимал на курок, и все, а я варился в этом котле и выкладывал тебе все на блюдечке. Ну, теперь конец. Сегодня до столицы, а там за бугор. И прощай матушка Россия. Несчастливая ты наша.

– А почему несчастная? Если бы не эта Россия, где бы мы с тобой столько бабла заработали?

– А я что говорю? Заработали здесь, и валить пора. Гори она огнем.

– Тебе не жалко свою Родину?

– А что она дала мне, чтобы ее жалеть? Родина... Родина – это не то место где ты родился. Родина – это то место, где тебе хорошо.

– А мне тяжело ее покидать. Здесь я чужой и там буду чужим. Но здесь хотя бы язык родной.

– Ты там чужим будешь, но с деньгами. И тебя уважать будут. А здесь, чтобы тебя уважали, нужно иметь миллиард. И то не факт. В любой момент могут надолго упечь в клетку. Может, ты уже передумал дергать?

– Нет, не передумал. Кроме земли и люди должны держать. А какие люди нас держат здесь, никакие.

– Тогда передохнем, дождемся темноты и тронем. На

Москву!

– Я только навещу тетку, – твердо произнес Александр.

– Какую еще тетку?

– Нину Николаевну, она была подругой моей покойной матери.

– Ты с ума сошел! На хрена тебе лишний раз маячить по городу?!

– Я должен попрощаться. Она единственный человек, кто был у меня все эти годы. Видишь, я даже не побрился. Меня и не узнаешь сразу.

– Ты же сейчас говорил, что у тебя здесь нет никого.

– Это совсем другое.

– Смотри, тебе решать, мое дело тебя предупредить. Чувствую, не к добру эта твоя затея.

Александр надел кепку, надвинув ее на лоб по самые глаза.

– Ты отдыхай, а я скоро, – сказал Александр.

– В такси не садись, лови частника. Все таксисты могут быть предупреждены, – произнес Гришка, обеспокоенный уходом своего напарника.

– За кого ты меня принимаешь, – усмехнулся Александр и, сосчитав до семи, вышел из квартиры.

Он направился в больницу, где из-за своего крайне тяжелого состояния здоровья находилась Нина Николаевна. Александр заботился о ней уже много лет и помогал ей намного больше, чем ее родные дети. Последнюю помощь он

оказал ей в больнице, когда узнал, что она лежит там в коридоре. Александр дал всесильную взятку и Нине Николаевне выделили отдельную палату. Своей помощью ей и постоянным вниманием к ней он таким образом благодарил ее за доброту, которую она проявила к нему в его детские годы.

Родители Александра погибли в автокатастрофе, после чего он попал в детский дом. И Нина Николаевна была единственным человеком, кто его навещал. Очень редко, но эти редкие минуты, часы, были для Александра самыми счастливыми мгновениями детства – детства в детском доме. Они дорогого стоили, особенно на фоне других детей, к которым никто и никогда не приезжал.

Александр вышел на дорогу к остановке. В эту самую минуту там остановился рейсовый автобус. Недолго думая, он запрыгнул в него и сел на заднее сиденье.

Проехав четыре остановки, Александр с автобуса сошел и где-то с полкилометра, что еще оставалось до больницы, прошел дворами, пряча лицо от случайных прохожих.

Построенная еще при последнем царе больница выглядела постыдно. Это касалось как ее внешнего вида, так и внутреннего. Александр подумал о том, что в подобных стенах больницы очень мала вероятность на излечение даже самой безобидной болезни. Более того, попади туда здоровый человек, он может с легкостью заболеть. Такой угрюмый, сырой, с покосившимися стенами дом, должны были отвести под морг, чтобы в новом для него качестве, учитывая его пла-

чевный вид, он мог олицетворять конец несчастной и нечеловеческой жизни большинства жителей города.

По обшарпанной лестнице Александр поднялся на последний этаж, который в отличие от первых двух этажей больницы находился в относительно сносном виде. Надо полагать, что лет двадцать назад этот этаж приводили в порядок, когда как до первых двух руки так и не дошли. Лишь палата Нины Николаевны не вызывала никаких нареканий – она была после ремонта и в ней чувствовался запах свежей краски.

Александр застал Нину Николаевну в кровати. Ее бледное лицо сразу же бросилось ему в глаза, как и ее потухший взгляд, оживший лишь после того, как она увидела его.

– Ой, Саша, какой ты обросший, – чуть раздвинув губы в улыбке, сказала Нина Николаевна.

– Как вы? – спросил Александр, присев у ее кровати.

– Неважно. Никакого толка нет от того, что я здесь лежу.

– В исцеление надо верить, иначе ничего не поможет.

– Верь-не верь, а все равно скоро...

– Мне не нравится ваше настроение. Вы меня огорчаете.

– Хорошо не буду. Будем держаться.

– Что говорят врачи?

– Пока ничего, все проверяют.

– Дети заходят к вам?

– Заходят.

– Вам что-нибудь нужно?

– Ой, Саша, ничего мне не нужно. Славу богу, у меня все есть.

Александр вынул из кармана конверт и положил его под подушку Нины Николаевны.

– Здесь деньги, – сказал он.

– Не надо, зачем?

Нина Николаевна потянула руку под подушку, но Александр остановил ее:

– Не утруждайте себя.

– Саша, ты и так на меня много потратил. Забери обратно.

– И не подумаю. Вы в свое время тоже тратили.

– Да что я тратила, сравнил.

– Для вас это были большие траты. У вас самой их было трое, а вы отрывали от них и приносили мне. А как вам было тяжело, я знаю.

– Как ты похож на отца, – изменившись в лице, сказала Нина Николаевна.

– Судя по фотографиям, что остались у меня, я бы не сказал.

– Похож, похож, – будто убеждая в этом саму себя произнесла она.

Александр подсел поближе к Нине Николаевне и нежно сжал ее руку.

– Нина Николаевна, – сказал он, – я должен уехать. Думаю, навсегда. Так сложились обстоятельства.

– А что случилось? – в испуге спросила она.

– Вам лучше не знать, но у меня все будет хорошо.

– Как же так? – Нина Николаевна пребывала в смятении. – Мне надо тебе кое-что сказать. Ты должен знать. Может, помру, а ты так и не узнаешь...

– Что? – Александр пристально посмотрел на Нину Николаевну, которая стала прятать от него глаза. Она молчала. – Что я должен знать, говорите.

– Саша, – в нерешительности произнесла она, – человек, который погиб с твоей мамой, не был твоим отцом. Твой родной отец другой человек.

– Что?! – опешил Александр. – Вы что говорите?

– Выслушай меня. Когда твои родители решили пожениться, твоя мама уже была беременна тобой. Но отец не знал об этом, мама хотела обрадовать его в день свадьбы. Однако свадьбе так и не суждено было состояться, потому что твоего отца арестовали и осудили на десять лет. Так вот, а осудили его за растрату. Ты же знаешь, в советские времена не шутили с теми, кто лез в карман государства. Из тюрьмы он написал маме, чтобы она не ждала его и устраивала свою жизнь. А твоя мама не сообщила ему, что у нее будет от него ребенок. Она не хотела, чтобы он терзал себя за то, что оставил ее одну с ребенком. Когда ты родился, появился Женя, который стал ухаживать за твоей мамой, он больно любил ее. Мама привыкла к нему, а потом, понимая, что тебе нужен отец, она вышла за него замуж. Он тебя усыновил и дал тебе свою фамилию. Ты же помнишь его, он тебя любил

как родного. – Нина Николаевна тяжело вздохнула. – После того, как они разбились, царство им небесное, и ты попал в детский дом, я как-то хотела рассказать тебе об истинном твоём отце, но подумала, что раз ты видеть его не можешь, то зачем тогда понапрасну травить тебе душу. Решила, вот выйдет он из тюрьмы, а там видно будет. Ведь многие вообще не возвращались оттуда. После я узнала, что ему за попытку к бегству из колонии прибавили срок. И я поняла, что если он и выйдет, то это будет уже тогда, когда ты будешь самостоятельным человеком. Потом, когда ты пришел из армии, я знала, что по всем срокам он должен был быть уже на свободе, но решила не ворошить старое и оставила все как есть. Ты уж прости меня, что я не сказала тебе тогда.

Пока Нина Николаевна говорила, Александр неподвижно сидел, и едва она закончила свою исповедь, он, бросив на нее уничтожающий взгляд, сказал:

– Как вы могли не сказать мне этого раньше? – Александр опустил голову, сжав рукой лоб. – Сколько лет я был как одинокий волк и вдруг неожиданно-негаданно у меня появляется отец – родная кровь. В детстве я очень долго не мог поверить в смерть родителей. Мне постоянно мерещилось, что они приезжают ко мне в детдом и говорят: «Сынок, все это игра, разве мы могли тебя оставить? Давай собирайся, поедem домой».

Александр резко вскочил на ноги и кинулся к выходу.

– Ты куда, Саша? – вслед ему крикнула Нина Николаевна.

– Мне нужно его найти, – на ходу бросил он.

– Господи, ты же не знаешь, как его зовут, – закричала ему вдогонку Нина Николаевна. – Родионов Владимир Петрович его зовут!

Забыв об осторожности, Александр остановил первую попавшую машину и поехал в центр, к главпочтамту, возле которого, насколько он помнил, находилось справочного бюро.

«Неужели судьба преподнесла мне подарок, – думал он. – Неужели после стольких моих черных дней я заслужил такую награду. Неужели я смогу увидеть своего отца?»

– Ты не можешь ехать побыстрее, – сказал он водителю.

– Куда же еще быстрее. Мы и так быстро двигаем, – пробурчал водитель, и, тем не менее, скорость прибавил.

Приближался конец рабочего дня, и Александр боялся, что взять справку он может не успеть. А ему не терпелось узнать уже в этот день, живет ли его отец в этом городе, да и жив ли он вообще?

Александр успел, застав внутри небольшой палатки рыжеволосую девушку, которая приводила себя в порядок, намереваясь, очевидно, уже покинуть свое рабочее место. Она проводила по своим губам помадой, когда он обратился к ней со словами:

– Девушка, вы мне не поможете? Мне нужен адрес Родионова Владимира Петровича. Если есть такой, конечно...

– Поздновато вы, – отозвалась девушка, да что ж делать, помогу. – Она убрала помаду в сумку. – Фамилию, имя и

отчество еще раз повторите.

– Родионов Владимир Петрович, – повторил он.

Полистав толстенную книгу, девушка выписала из нее адрес.

– Вам повезло, – сказала она, – он оказался в городе один.

– В смысле? – не понял Александр.

– Бывает так, что одну и ту же фамилию с одним и тем же именем и отчеством имеют несколько человек, что живут в одном городе, – пояснила девушка и протянула Александру листочек с адресом.

Поблагодарив девушку и заплатив ей за услугу, Александр взглянул на адрес. Ему продолжало везти: указанный адрес находился в двух кварталах от того места, где он стоял.

Очень удачный день Александр воспринял как начало белой полосы в его жизни, и он уверовал себя в то, что удача не покинет его и в дальнейшем. Он почти не сомневался, что через пару минут его посетит радость от встречи с отцом. Предвкушая скорое свидание с ним, он уверенно зашагал по указанному адресу.

Старый двухэтажный дом, похожий на барак, привел Александра в уныние. Он никак не ожидал, что в центре города за довольно респектабельными зданиями скрывались и такие, убогие.

Чтобы попасть в дом, ему пришлось пройти через узкий дворик мимо мусорных контейнеров. У его ног прошмыгнула крыса, чей мерзкий вид подействовал на него так, что он

весь внутри сжался. «Я вытащу тебя, отец, из этой дыры», – мысленно произнес он, подходя к нужной ему квартире на первом этаже. Сосчитав до семи, Александр нажал на кнопку звонка.

Всегда железное спокойствие покинуло его. Им овладело волнение – необычное, не знакомое ему ранее. Его сердце учащенно забилось, и в эту секунду он, убийца, казался себе растерянным юношей.

Никто не вышел на его звонок, и Александр нажал на звонок вторично. Он жаждал, чтобы хоть кто-то отозвался, но та мертвая тишина, стоявшая от него по другую сторону двери, очень скоро разбила на это всякую его надежду.

Александр подошел к двери соседней квартиры. Но и там на его звонок никто не вышел. «Надо подождать», – решил он, закуривая.

Пуская дым, он присел на ступеньку лестницы. «Интересно, – размышлял он, – как он выглядит? Наверно, не важно. Тюрьма не санаторий. Столько лет просидеть... Сделаю ему паспорт, да заберу его с собой. Хоть на старости лет поживет как человек».

Ожидание на лестнице невольно толкнуло Александра на воспоминания. Ему было что вспомнить, ведь с лестницами были связаны его четыре убийства.

Четыре убийства – четыре трупа, два других он оставил у подъезда дома и один, последний, – у ресторана. Когда Александр убивал четвертого, то вместе с ним он отправил на тот

свет и двух его телохранителей. «Итого девять душ погубил плюс десять на Кавказе – получается девятнадцать», – подытожил Александр.

Из всех заказных убийств самым тяжелым для Александра было пятое, когда ему пришлось убивать человека, рядом с которым находились его жена и дочь. Их крики, женский и детский, еще долго стояли в ушах Александра после убийства. Была бы его воля, он не стал бы убивать человека на глазах его близких. Но дело в том, что таково было обязательное условие заказа. «Прикончить, чтобы он корчился на глазах своей семьи» – именно так Гришка передал ему слова заказчика. Это как же надо было его ненавидеть?!

«Если б я вырос не в детском доме, кем бы я стал?» – задал себе вопрос Александр. Вместо ответа он сказал себе: «Нет, я такой же, как большинство. Для Господа Бога мы едины – и те, кто убивает, и те, кто только желает смерти другому».

В ход пошла пятая сигарета, а так никто не появился – ни в одну, ни в другую квартиру, что находились на первом этаже, никто не торопился.

Александр привстал с намерением подняться на второй этаж, но там, где заканчивалась лестница, стояла дверь, на которой висел большой амбарный замок. Раздосадованный, он сплюнул и вернулся на ступеньку.

Едва он присел, на его мобильный телефон стал трезвонить Гришка, и ему пришлось поехать на свою съемную квартиру.

Гришка нервно вышагивал по комнате.

– Ну, где ты?! – возмутился он, как только появился Александр. – Я уже извелся весь. Повидался с теткой?

– Повидался, – угрюмо ответил Александр. – Я пока остаюсь здесь.

– Что такое? Что еще произошло, пока ты прошвырнулся?

– Я должен найти своего отца.

Гришка остолбенел.

– Не понял, твои же погибли.

– Отец, который погиб вместе с моей матерью оказался мне не родным. Мой родной отец другой человек.

– Ты не шутишь?

– Какие там шутки.

– Это тебе тетка сообщила?

– Да.

– Представляю, как она этим тебя огорошила.

– У меня уже и адрес его есть. Я был там, но никого не застал. Короче, пока не увижу его, я никуда не поеду.

– Ты рискуешь. Своими походами ты нарисуешься только так. – Гришка разлил по рюмкам коньяк. – Как так получилось?

– Долгая история.

– Что ж, давай выпьем за это. Честно говоря, если бы я

узнал, что у меня есть отец, я бы за ним на край света пошел. Уж я-то понимаю тебя как никто другой. – Они выпили, и Гришка заполнил рюмки вновь. – А теперь давай выпьем на дорожку, мою дорожку. Извини, но наши пути здесь пока расходятся. Я рисковать не хочу и не могу. Если тебя знают по описанию, то меня – лучше не бывает. У меня шансов никаких. И потом, меня в Москве ждут.

– Ты сейчас на московскую трассу? – спросил Александр.

– Конечно, как договаривались с тобой. Ни на один вокзал я не сунусь.

Они выпили, присели на дорожку.

– В Москве сиди и особо не высовывайся, – сказал Александр.

– Я не больной. Паспорт возьму и все.

– Доберешься, позвони.

– Я-то позвоню, но я буду ждать тебя. Поживем еще за бугром, а?! Кстати, если это и есть точно твой отец, бери его с собой.

– Я это и собираюсь сделать.

– Денег у нас достаточно. Как хорошо, что мы в свое время в Москве купили наши хаты. Теперь они стоят целое состояние. Кто бы мог подумать.

– Да, это самое лучшее, что мы с тобой сделали.

Гришка встал и за ним Александр.

– Ну, прощай! – сказал Гришка. – Вернее, до встречи.

Они пожали друг другу руки и обнялись.

– Будь осторожен, – сказал Александр.

– Ты тоже, счастливчик, – улыбнулся Гришка, хлопнув Александра по плечу.

После ухода Гришки Александр допил коньяк и завалился спать. Эта ночь стала для него самой прекрасной из всех ночей, что были у него в жизни.

* * *

С раннего утра Александр помчался к заветному дому, где, к его глубочайшему разочарованию, так никого и не оказалось. Ни в доме, ни во дворе не было ни одной живой души, что расстроило его намного больше, чем в первый раз. Об отступлении не могло быть и речи, и он опять расположился на ступеньках, намереваясь ждать до победного конца. «Кто-то должен же появиться», – вырвалось у него.

Александр прождал до позднего вечера, выкурив за это время две пачки сигарет. Совсем отчаявшись от безрезультатного исхода дня, он вернулся к себе.

Ему улыбнулась удача только на следующий день. Продав также до позднего вечера, он хотел было уже уходить, но, к его радости, вдруг появилась пожилая женщина. Бросив на Александра подозрительный взгляд, она замешкалась у входа в подъезд.

– Вы меня не пугайтесь, – подал голос Александр. – Мне нужен Родионов Владимир Петрович. А его все нет и нет.

Вы, случайно, не знаете, где он?

Женщина стала рассматривать Александра изучающим взором.

– Что-то вы очень похожи на него, – сказала она. – Вы кто ему будете, не сын ли?

Слова незнакомки привели Александра в состояние радужного возбуждения.

– Да, я его сын, – ответил он, почувствовав, как непривычные для него слова приятно приласкали его слух.

– Понимаю, понимаю, – многозначительно произнесла она.

– Где он? Вы можете мне сказать?

– Молодой человек, он уже давно здесь не живет. Прописан он все еще тут, но живет в другом месте. Он как разбогател, так отсюда съехал. Я одна здесь осталась.

– А куда он съехал, не знаете?

– Странно как-то, что сын ищет отца.

– Так получилось.

– Понимаю, понимаю, – вновь многозначительно сказала она.

– Так вы мне подскажите, где можно его найти? – произнес Александр, теряя терпение.

– Подскажу, отчего не подсказать. Точно адрес он мне не говорил, не в курсе. А где находится его дом, знаю. Это домище вам найти не составит труда. Вы знаете на набережной ресторан «Маяк»?

– Да.

– Вот там, где кончается набережная, метров триста от «Маяка» и стоит его дом. Он один там.

– Большое спасибо! – произнес чрезмерно счастливый Александр. – Если бы не вы, я не знаю, что бы и делал. Вы меня очень выручили.

– Вам сильно повезло, я не думала сегодня сюда приезжать. Я была на даче и планировала находиться там еще дня три, но, узнав, что сосед по даче едет в город, решила приехать. Увидите Владимира Петровича, передавайте ему привет. Вера Николаевна меня зовут.

– Очень приятно. Обязательно передам. Еще раз спасибо и до свидания, – сказал Александр и вышел на улицу.

Пока Александр разговаривал с женщиной, на улице прошел дождь, поглотивший всю накопленную за день пыль. После душной лестничной клетки Александр неспешно пошел, вдыхая полной грудью свежий воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.